

Артем Мичурин
Песни мертвых соловьев
Серия «Еда и патроны», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2823575
Песни мертвых соловьев: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53771-6

Аннотация

После короткой, но убийственной глобальной ядерной войны 2012 года прошло больше сорока лет. Арзамас-16 отстроили заново. В 2053 году он уже представлял собой средней руки город с несколькими предприятиями и почти дармовой рабочей силой. И если за неделю необременительной работы рядовой лац, то есть обычный здоровый человек, получал двадцать монет, то мутант мог рассчитывать лишь на десять. Но даже эти десять монет он получал, вкалывая в гипсовой шахте с утра до ночи, чтобы через пять лет превратиться в дряхлую, полуслепую развалину. Мутант по прозвищу Коллекционер, а для недругов просто Кол, не желал становиться развалиной, да и в гипсовой шахте горбатиться не входило в его намерения. Кол предпочитал зарабатывать иным способом – охотиться за головами, коллекционируя не только «заказы», но и порой самих заказчиков. И все бы ничего, если бы на охотника не находились свои охотники, таинственные неуловимые монстры, обитающие в радиоактивных руинах...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Артем Мичурин

Песни мертвых соловьев

В ярко освещенной ртутными лампами комнате находились два человека. Их синие халаты резко контрастировали с ослепительной белизной кафеля и холодной серостью полированной стали. Только одна деталь выделялась здесь еще резче – багровая лужа под вскрытой черепной коробкой трехгодовалого ребенка.

– Так нельзя, Алексей Павлович, – качал головой человек, нервно шагая туда-сюда вдоль стены. – Так... неправильно.

– Подойди, – ответил второй. – Давай-давай. Смотри. Видишь? – Палец с выбеленной постоянными дезинфекциями кожей ткнулся в оголенный мозг, вызвав судорожную тряску пристегнутых ремнями конечностей подопытного. – Это патология. И она развивается. У одних в меньшей степени, у других – в большей. Но вся партия повреждена. Ты понимаешь? Вся!

– А как же результаты, показатели? Мы так долго этого добивались! Давайте подождем хотя бы год. Ведь вы не знаете наверняка.

– Знаю. Ждать нечего. Со временем проблема только усугубится. Образцы бесперспективны. К моменту достижения репродуктивного возраста они станут либо «овощами», либо неуправляемыми психопатами. Как ни прискорбно, но это факт.

– И что же теперь будет?

– От них придется избавиться. А мы, Евгений, – пожилой человек в очках вытер руку о полотенце и положил ее на плечо своему ассистенту, – продолжим работать. Одна неудача – еще не конец.

Самосвал остановился возле полузатопленной канавы. Водитель с пассажиром вылезли из кабины и принялись отвязывать укрывающий кузов брезент.

– Черт, ну и вонища. На хрена эту возню затеяли? Есть же печь.

– Хочешь, чтобы над базой черная копоть столбом стояла? Тоже мне, барышня кисейная. Развязывай живее.

Водитель вернулся в кабину, и гидроцилиндры зашипели, поднимая кузов.

Заросшая ряской вода вспенилась от сыплющихся в нее тел.

– Твою мать, – пассажир уперся кулаками в бока, глядя на поднявшийся из болотца островок. – Перебор.

– Не поместились, что ли? – высунулся из кабины водитель.

– Да. Нужно было в два захода сыпать.

– Хреново.

– И чего ты на меня уставился? Даже не думай. Я туда не полезу. Охота порядок наводить – бери лопату и херачь сам.

– Ты как со старшим по званию разговариваешь? – в шутку возмутился водитель.

– Можешь на меня рапорт подать, – со всей серьезностью ответил пассажир. – Но я этим заниматься не буду.

– Ладно, хрен с ним. Пусть падальщики разберутся. Да и жара... Через пару дней осядет. Залезай, возвращаемся.

Июнь две тысячи пятьдесят первого года был жарким. К полудню солнце пропекало землю так, что у ее поверхности играл воздушный муар, превращающий линию горизонта в размытую полосу склейки синего неба с желтовато-зеленой заокской равниной.

Утратившая былую сочность пыльная трава шуршала под сапогами и, распрямляясь, цепляла полы длинного плаща из тонкой, песочного цвета кожи. Укрывающая голову путника широкополая шляпа роняла тень на обветренное лицо, плечи и грудь, перетянутую по диагонали ружейным ремнем. Солнечные отсветы, в такт шагу, бежали по вороненым стволам ИЖ-43 и гасли, вспыхнув на дульных срезах яркими искрами.

От изнуряющей духоты спасала только стремительно пустеющая фляга с подсоленной водой да редкие порывы ветра. Но в последние полчаса и ветер перестал быть союзником. Вместо желанной свежести он приносил только смрад гниющего мяса, набирающий силу с каждой минутой.

– Господи боже, – путник замедлил ход, приближаясь к источнику зловония.

Над поверхностью скопившейся в канаве мутной воды поднималась гора детских тел. На всех были мешковатые длинные рубахи с короткими рукавами, когда-то белые. Кожа под палящим солнцем уже подернулась трупной чернотой. Закатившиеся глаза полуприкрыты. Из ртов вывалились распухшие языки.

Путник сделал еще несколько шагов к чудовищной находке и остановился, присматриваясь.

В куче мертвых тел появилось движение.

Крыса, соблазненная ароматом падали, не поленилась одолеть водную преграду и теперь, довольная, сидела на трупах, грызя детскую руку.

Но путника заинтересовало другое – пальцы на руке шевелились.

Глава 1

Ты задавался когда-нибудь вопросом – что ждет тебя после смерти? Наверняка задавался. Каждый хочет знать. А еще каждый хочет попасть в рай. Туда, где молочные реки текут меж кисельных берегов и юные девы готовы исполнить любой твой каприз, стоит лишь пожелать. Я обязательно буду там. Слишком самонадеянно? Вовсе нет. Никакой самонадеянности, только логика. Ведь после смерти, как пить дать, что-то должно измениться. Иначе какой смысл? А учитывая тот факт, что я родился и вырос в аду... Кроме как в рай, деваться мне больше некуда.

Своих родителей я не знаю. Да и насчет собственного возраста не уверен. Валет рассказывал, что мне было года три, когда он меня подобрал. Может, и так, а может, выживший из ума старый хрен опять напутал с перепою. Теперь уже не спросишь. Странное дело – никогда не любил этого говнюка, хоть он и был единственным взрослым, рядом с которым я мог не опасаться за свою жизнь, единственным, кто обо мне заботился. Но, сколько себя помню, я всегда знал – мы разные. И дело здесь не в том, что у меня желтые глаза, светящиеся в темноте, будто у собаки, и позволяющие видеть ночью не намного хуже, чем при свете солнца, а Валету спятившая от радиации мать-природа подарила лишь бесполезный отросток в виде недоразвитой третьей руки под правой лопаткой. Я никогда не испытывал к своему благодетелю сыновних чувств. Он был для меня просто наставником, знающим свое дело вором и аферистом, бравшим под крыло малолеток, которые могли быть ему полезны. Нас таких набралось четверо.

Память – странная штука. Совсем не помню первые два года в старом доме. Хотя Валет говорил, что я был смышленным, даже слишком смышленным для своего возраста. Только обрывки: колючий соломенный матрас в углу; забавный, похожий на конскую голову рисунок древесных волокон на закопченном дощатом потолке; пустырь рядом, с полусгнившей, черной от мазута цистерной, ее запах... Зато отлично помню переезд на новое место.

В те времена Арзамас еще не успел стать главным пристанищем отверженных, а проще говоря – выгребной ямой человечества. Нас было меньше половины. Основная масса будущих граждан этой клоаки обитала севернее, в хаотичном скоплении сросшихся воедино поселков, которое они именовали городом. Город Триэн. Красиво. Звучит как гитарный аккорд, мягко, тягуче. А в действительности это всего лишь три буквы «Н» – Новый Нижний Новгород. Оглушительно громкое имя для столь жалкого убожества. Из-за близости к своему мертвому прародителю там заметно фонило даже спустя полвека с окончания Сорокаминутной войны. Зато ни один лац¹ в Триэн носа не совал. Долгое время он оставался единственным крупным поселением, в котором мутанты были полноправными хозяевами. Вплоть до исхода на юг.

В пятьдесят третьем же Арзамас представлял собой средней руки город с несколькими кое-как держащимися на плаву предприятиями и почти дармовой рабочей силой. Его население делилось примерно так: один процент – хозяева, десять процентов – хозяйская охрана, двадцать процентов – квалифицированная услуга, еще двадцать пять – торгаши, ремесленники, ростовщики и прочая мелкая шваль из лацев. Остальные – мы, мутанты, низшее сословие, нелюди. Терпели нас, руководствуясь исключительно соображениями экономии. Если только что поднявшийся из канавы и не успевший стереть с рожи лошадиное дерьмо лац просил за неделю необременительной работы двадцать монет, то любой мутант довольствовался десятью, исполняя роль гужевого скота или вкалывая на гипсовой шахте, а зачастую

¹ Нормальный (мордовск.).

и то и другое одновременно. Тружеников кайла отправляли в забой практически сразу, как только взрывники сматывали шнур. Работали в две смены, грузили породу в телеги, поднимали наверх, потом возвращались взрывники, и все повторялось. Отводить целую ночь для вентиляции шахты считалось «нецелесообразным». Поэтому срок службы одного забойщика обычно не превышал пяти лет, отмахав которые он превращался в дряхлую полуслепую развалину с загипсованными легкими. Но у большинства не было и такой работы.

Шальная ракета, ухнувшая в трех километрах от границ довоенного Арзамаса, помогла весьма четко обозначить административно-территориальное деление города. Не пострадавший от ударной волны юго-восток превратился в Чистый район, свободный от мутантов. А разрушенный процентов на восемьдесят северо-запад «щедрые» власти любезно отдали нам. В народе эта часть города обрела имя «Поле». От Чистого района Поле, согласно всем правилам мелиорации, отделялось Межой, пересекающей город с юго-запада на северо-восток по улицам Луначарского, Калинина, Красный Путь, Казанской и проспекту Ленина. Чем ближе жилье располагалось к Меже, тем дороже оно стоило, а плотность застройки возрастала кратно. В обратную же сторону Поле, чем дальше, тем больше, соответствовало собственному имени. Лично я никогда не понимал такой тяги батраков к хозяевам. Тем не менее близость к Чистому району считалась у подавляющего большинства полевых обитателей неотъемлемой составляющей успеха. Хотя плюсов от такого соседства было немного: стреляли реже, трупы с улиц убирались оперативнее, единственная на весь город пожарная команда могла проявить милосердие и помочь с тушением, да и то лишь первым двум рядам, так как за Межу огнеборцы не совались ни при каких обстоятельствах.

Кроме необоснованно завышенных цен на землю местным обывателям приходилось отбашлять еще и немалую мзду двум хозяйничающим в районе бандам. Граница их владений проходила с юга на север по улицам Жуковского, Медицинской и Зеленой. Западная банда именовалась «Частниками», потому как контролировала территорию, до войны застроенную частным сектором. А члены восточной группировки именовали себя «Потерянными». Этимология сего названия мне, как наверняка и им самим, неизвестна, смысл его давно потеряян... Хотя, возможно, здесь он и кроется. Под Потерянными находилось огромное количество железнодорожного добра, раскиданного вдоль восточного пути, идущего на Сергач, а также большой примыкающий к проспекту Ленина участок, застроенный многоэтажками. Вот туда-то мы и двинули. Но отнюдь не ради престижа. Находящаяся рядом со старым домом Яма, ранее известная как Смирновский пруд, окончательно загадилась. То ли грунтовые воды размывали могильник токсичных отходов и принесли всю эту дрянь нам на порог, то ли еще что, но жить рядом с Ямой стало невозможно. Привычный доносящийся от нее смрад нечистот естественного происхождения сменился едкой химической вонью, вблизи до того ядреной, что носоглотка горела, будто денатуратом поперхнулся.

Скопленных Валетом денег хватило на закуток в цоколе рухнувшего многоподъездного дома. Предыдущий хозяин, судя по запаху, отдал богу душу с неделю назад, а вынесен был максимум позавчера, так что на первых порах наша гоп-компания сильно скучала по старому дому. Все покойническое барахло, на которое никто так и не соблазнился, было оперативно утилизировано, а помещение окурено. Но спать первую ночь все равно пришлось на улице. Только когда трупная вонь улеглась, мы смогли оценить все прелести нового жилища.

Основным и несомненным его преимуществом против нашей старой хибары, помимо удаленности от Ямы, была основательность. Бетон и кирпичная кладка метровой толщины создавали уют сами по себе. Такие мелочи, как постоянный холод даже летом, вечный полумрак и частенько навещающие крысы, на этом фоне совершенно не беспокоили. Справедливо рассудив, что негоже в бункере прикрываться фанерой, деньги, оставшиеся после расчета с Потерянными, Валет истратил на установку подъемного металлического щита, закрывающего единственное окно, и новой двери – предмета особой гордости. Толстенная

окованная железом дура была настолько тяжела, что одних только петель для ее поддержки оказалось недостаточно, и снизу конструкция опиралась на пару небольших колес, едущих по продолбленной в бетоне дугообразной колее. На уровне метр семьдесят от пола дверь имела смотровую щель с надежно фиксирующейся заслонкой, а в полуметре ниже – круглое отверстие, аккуратно под два ствола двенадцатого калибра, скрытое снаружи обшивкой из плотной ткани. Учитывая, что Валет все активнее приторговывал наркотой, а среди страждущих нередко встречались личности, ведущие себя неадекватно, эти меры предосторожности были отнюдь не лишними. Однако, нужно отдать ему должное, к своему товару наш благодетель не притрагивался. Предпочитал чужой, с более высокой степенью очистки. Наверное, если б не эта маленькая слабость, Валет смог бы достичь гораздо большего в жизни. Как ни крути, а мужик он не глупый. Да что там, скажем прямо – умный был дядька. Я по малолетству много домов в Арзамасе посетил, без приглашения, разумеется, и меня всегда удивляла одна деталь – полное отсутствие печатной продукции на обносимой территории, притом что дома были далеко не из последних. В нашей же полуподвальной хибаре, где и присесть-то особо не найдешь куда, почетное место возле оружейного шкафа занимал огромный деревянный ящик, почти доверху наполненный этим добром. Не меньше центнера книг, газет и журналов. Многие из них, конечно, были изрядно потрепаны, некоторые и вовсе утратили читабельный вид, изъеденные крысами, отсыревшие, но кое-что сохранилось. Валет называл этот ящик «Машина времени». Достанет, бывало, газету из кипы, взглянет на дату и скажет: «Ага. Билет в две тысячи одиннадцатый. Посмотрим – посмотрим». Он мог часами сидеть над этим ворохом бумаг, перечитывая по сотому разу новостные колонки, статьи, телевизионные программы, разглядывая фотографии. Будто надеялся, что вот сейчас поднимет взгляд от типографских строчек и обнаружит перед собою другой мир, точно такой, как на бумаге, со всеми его чудесами, изобилием и комфортом. Я не раз заставлял Валета спать, с газетой в руках и блаженной улыбкой на лице, но сам его страсти не разделял. Меня больше тянуло к книгам. Что могли дать пустые заметки полувековой давности? Ни хрена. Книжки же несли в себе гораздо более полезную информацию. Не Толстой с Гаррисоном, конечно же. Мне была интересна литература иного рода. Благо в нашей библиотеке имелось аж семь толстенных справочников, из которых я питал особую привязанность к трем: два тома за авторством некоего Бейкера У. с очаровательно сухим названием «Взрывные явления. Оценка и последствия»; энциклопедия «Ножи» Фейри, от которой не мог оторваться целые сутки, пока Валет не вырвал ее из обессиленных от голода рук; и, конечно же, «Большой анатомический атлас» под редакцией академика Воробьева. С последним фолиантом я крепко подружился. Названия суставов, костей, сухожилий, внутренних органов, мышц, вен и артерий удивительно легко впивались чистым еще мозгом, словно губкой. Я глотал страницу за страницей, пожирал глазами рисунки освобожденных от кожи тел в самых невероятных разрезах и ракурсах. Учитывая, что на момент знакомства с академиком Воробьевым мне было около шести лет, выглядел сей факт несколько странно. И это смущало окружающих. Еще больше их смущал пристальный взгляд, когда после изучения очередной главы я пытался разглядеть на шее спящего товарища пульсацию наружной яремной вены. А уж о попытках что-либо прощупать и говорить не стоит. Сейчас я это понимаю, а тогда недовольство домочадцев вызывало искреннее удивление. «Неужели, – думал я, – читать всякую хрень про звездолеты и пиратов интереснее, чем это?!» Да еще в столь «преклонном» возрасте. Ведь Крикуну с Репой было уже по восемь, а Фара так и вообще считался взрослым мужиком о девяти годах.

Уживаться под одной крышей – для четырех пацанов разных возрастов и характеров дело непростое, но у нас получалось. По крайней мере, до поножовщины ни разу не доходило. Во многом благодаря Фаре. Не по годам физически развитый и спокойный, как бульдозер, он был неизменным гарантом порядка на вверенной территории, когда Валет отсут-

ствовал, а случалось такое регулярно и подолгу. Прозвище свое Фара получил за незрячий левый глаз, полностью белый, с недоразвитым крохотным зрачком. Своими шестипалыми ручищами малолетний мордovorот легко растаскивал буянов и выписывал зуботычины в профилактических целях. Иногда и мне перепало, если не успевал увернуться. Поначалу Фаре удавалось пускать в цель две затрещины из десяти. Каждодневная практика вскоре помогла мне свести процент попаданий к нулю. На реакцию я никогда не жаловался. Чаще всего разнимать приходилось Репу с Крикуном. Будучи одного возраста, эти двое постоянно собачились, пытаюсь оспорить или отстоять лидерство в своей весовой категории. Репа был пониже ростом, поплотнее и обладал черепом странной формы, очень напоминающим одноименный корнеплод. Лоб у него выпирал наружу и, казалось, располагался не только спереди, но по всему периметру головы. Сверху же черепушка была приплюснута и этим, несомненно, провоцировала рослого сухощавого товарища треснуть по ней кулаком при любом удобном случае. Сей акт вандализма обычно сопровождался злобным шипением Репы и резким, похожим на карканье возгласом Крикуна, обозначающим искреннюю радость. У парня наблюдались серьезные проблемы с носоглоткой и голосовыми связками, из-за чего каждое произносимое им слово превращалось в набор скрежетов и вскриков. Никто, кроме домашних, этого «собачьего» языка не понимал, да и мы не всегда догадывались с первого раза. Только Репа овладел им в совершенстве, до такой степени, что мог на лету переводить с человеческого на «собачий» даже трехэтажный мат, чем и занимался постоянно, огребая в ответ кулаком по плоской башке.

Несмотря на все имеющиеся трения, работала наша команда слаженно. Впрочем, иначе и быть не могло. Слаженность являлась условием не только успешного функционирования, но и физического выживания. А потому все распри и обиды на время вылазки оставались дома. Серьезные дела обстряпывались обычно раз в две-три недели. Этому предшествовал длительный этап подготовки: слежка за хозяином выбранной хаты; выяснение распорядка его дня, по минутам; тщательнейший осмотр будущего места операции; проработка плана действий. Все по-взрослому, никаких импровизаций, никакого «авось». Наводку обычно давал Валет. Но иногда мы и сами выбирали кандидатов, если удавалось подслушать неосторожный разговор или подсмотреть характерные признаки чрезмерного материального благополучия. С уворованного и впоследствии реализованного через знакомых барыг добра нам причиталась доля. Справедливой ее назвать было тяжело, но, с другой стороны, Валет предоставлял нам кров, еду и какую-никакую видимость безопасности. Так что мы не жаловались, радостно совали в карман горсть «маслят» или пару-тройку «пятерок» и бежали в лавку на Парковой за булками. Черт, мать его дери, какие там были булки! Горячие, сдобные, с румяной хрустящей корочкой. Я до сих пор помню их запах. Это запах счастья. Одна такая булка стоила как обед из трех блюд в не самой грязной забегаловке. Сейчас я дал бы в двадцать раз больше, но их не пекут. И лавки той уже нет. И улица Парковая окончательно растаяла в хаотичной застройке...

Время в перерывах между основной работой мы посвящали работе второстепенной – облегчали упившихся в хлам посетителей многочисленных кабаков. У крыльца злачного места, дабы не вызывать лишних подозрений, крутился обычно кто-то один. Чаще всего – я, как самый зрячий и, так уж сложилось, реже всех ошибающийся насчет перспективности клиента. Выбор был велик, и пасти всякую шушеру означало зря потратить вечер. Местные кабаки всегда славилась крепостью пойла и забористостью дури. Ходили туда в основном компаниями, а выходили по одному. Точнее, выкатывались под увесистые пинки прекрасно тренированных вышибал. Страдальцы, не нашедшие понимания у работников злачной индустрии, делились на два подвида и отличались один от другого характерным поведением. Первые – порожняк – имели привычку жалобно скулить и проситься назад, обещая принести деньги утром, предлагали в качестве оплаты свое вшивое шмотье, пытались апеллировать к

чувству сострадания. Эти нас не интересовали. Вторые – дебоширы – пересчитав ступени и не успев еще толком подняться на четвереньки, тут же вспыхивали праведным гневом, молотили воздух непослушными руками, кляли обидчиков, грозили скорой расправой и, наконец, истратив последние силы, отправлялись прочь от гнезда порока. Ну а мы шли следом. Дальнейший план действий сводился к тому, чтобы сопроводить клиента до ближайшего темного закоулка, в коих недостатка не наблюдалось, повалить, если он еще на ногах, хорошенько врезать по башке и снять с бесчувственного тела все, что снимается. Задача по нейтрализации клиентского опорно-двигательного аппарата была жестко закреплена за Фарой, имевшим для этой цели обмотанный тряпками молоток. Такая трогательная забота о сохранности чужого черепа меня всегда веселила. Фара же на все подъебки отвечал, что делает это не из доброты, а для маскировки звука. Разумеется, столь гнилая отмазка не канала ни под каким соусом, и наш старший анестезиолог быстро приобрел титул безнадёжного гуманиста. Прослыть святым при жизни ему мешала только природная необузданная сила, которую не всегда удавалось контролировать. Поэтому, как минимум, трижды обмотанный тряпками боек молотка вминал-таки хрупкие, ослабленные нездоровым образом жизни кости черепа в мозг. «Несчастные случаи» очень расстраивали Фару, до такой степени, что он мог минут на двадцать уйти в себя, размышляя над содеянным.

Улов, конечно, не шел ни в какое сравнение с тем, что приносили наши экскурсии по зажиточным домам Арзамаса, но пьяный гоп-стоп был куда безопаснее, а охотничий азарт подогревал молодую кровь до приятной, не обжигающей температуры.

Хотя в плане трофеев встречались и исключения. Так, однажды на совершенно неприемлемом теле, которому по рангу был положен сточенный тесак и пара монет за подкладкой драной куртки, обнаружилась кобура с самым что ни на есть фабричным довоенным «ПММ» и два полных двенадцатизарядных магазина к нему. После того как мы вдоволь нащелкались затвором и напромеряли кобуру всеми известными способами, было вынесено решение – Валету находку не сдавать, а вместо этого спрятать ее в надежном месте, вдруг пригодится. Заговор раскрылся тем же утром. Разглядев смазку на жадных ручонках, Валет снял ремень, и лиловые следы от его пряжки долго красовались у всех четверых в самых неожиданных местах.

Разумеется, не мы одни готовы были облегчить непосильную ношу культурно отдыхающих. К моменту переселения в район многоэтажек Комсомольского бульвара там уже хозяйничали две малолетние шайки, окучивающие забулдыг посменно, и терять значительную часть трудовых доходов из-за вновь прибывших им совершенно не улыбалось, что они первое время и пытались донести до нашего сознания весьма недвусмысленно. Однако несколько сломанных ребер, выбитых зубов и колото-резанные раны филейных частей быстро убедили наших оппонентов в целесообразности мирного переговорного процесса, по результатам которого нам на откуп были отданы четверг и – несомненный дипломатический успех – суббота.

В общем, жизнь на новом месте со временем наладилась, села в колею и ни шатко ни валко потащилась дальше. Пока однажды...

Это была осень пятьдесят шестого года. Дождливая, слякотная. Мы нарыли информацию о ценном товаре, разгруженном совсем недавно в лавке на Овражной. Партия сигарет с фильтром, настоящих, хороший табак в тонкой бумаге, два тюка. Источник был надежный. Но действовать следовало незамедлительно, товар предназначался не для розничной продажи и, по слухам, ожидал скорой отправки в Муром.

Валет уже неделю как махнул в Сергач, улаживать расклеившиеся дела со своими поставщиками, и вернуться должен был не раньше чем через три дня. Ждать его означало упустить весомый куш, шанс на который выпадает не так часто. Мы решили действовать.

Кое-как прощупали лавку, проследили за хозяином и той же ночью, уверившись в собственных силах, пошли на дело.

Овражная улица располагалась на краю тихого, когда-то дачного района, где и сейчас большую часть времени царили покой да благодать. Питейных заведений там не было, контингент, как на подбор, из приличных. Сколь-либо оживленных мест наблюдалось всего два: свиноферма, дававшая работу большей части здешних обитателей, и та самая лавка, в которой товара ценнее гречневой крупы сроду не водилось.

С замком черного хода пришлось повозиться чуть дольше обычного, но ловким пальцам Крикуна особых проблем его механизм не доставил. Дверь распахивалась наружу. Предварительно смазав петли, мы приоткрыли ее до небольшого зазора, через который была хорошо видна стальная леска, тянущаяся в глубь помещения. На противоположном конце такой лесочки чаще всего располагался дробовик с УСМ куркового типа, реже – кустарный ПП. При первом открытии двери, когда хозяин выходил из дома, осуществлялся взвод. При втором открытии – спуск. Хитрая система тяг и грузов, прилаженная к самострелу, называлась «паутинкой». Такая охранная система была весьма популярна среди обывателей, радеющих за личное имущество, даже несмотря на несколько смертей, вызванных забывчивостью. С боевого дежурства «паутинка» снималась секретной тягой, но можно было обойтись и кусачками. Главное – помнить о том, что спуск осуществляется не только при натяжении лески, но и при ее ослаблении. Посему обрезанный конец следовало надежно зафиксировать, пока самострел не будет обезврежен. Прodelать это в одиночку – задача не из легких, но вчетвером – элементарно. К тому же наличие взведенной «паутинки» являлось верным признаком того, что хозяин отсутствует, а дробовик или тем более ПП сами по себе были неплохими трофеями. Со временем популярность этого чуда техники сошла на нет. Плохую службу ему сослужили множасьщиеся самоубийства по неосторожности и рассказы потерпевших, оканчивающиеся примерно так: «И ты ж подумай, ни хера больше, суки, не взяли, а дрободан мой любимый, что в самостреле приладил, унесли!»

Внутри было тихо и темно. Хотя темнота – понятие относительное. Для меня она выражается в легкой размытости картины мира, чьи цвета поблекли, а тени сгладились. Осознание того, что для остальных темнота граничит со слепотой, далось нелегко. Зато сколько потом было радости, когда я ночью наблюдал за домочадцами и оставался невидим. Правда, получалось не всегда. Чувство темноты, умение оценивать ее степень, пришло позже. Со временем я выяснил, что там, где мне видны не все детали, другие видят лишь контуры, а там, где лишь контуры вижу я, другие абсолютно слепы.

Мы, оставив Репу на стреме, прошли в лавку. С самострелом решили повременить. Быстренько обшмонали прилавок, напихали в карманы сахара и двинулись к подсобке. Как говорят в таких случаях, ничто не предвещало...

– А ну на пол, бля!!! Суки! Перестреляю к херам!

Никогда не страдал излишней впечатлительностью, но в тот раз едва не обосрался. Даже видя все вокруг, не сразу сообразил, куда бежать. А уж мои подслеповатые коллеги и вовсе растерялись. Фара, охнув, ломанулся в стену. Крикун шарахнулся назад, споткнулся о ящики и грохнулся на жопу. Что происходило дальше в наполненной бешеными воплями лавке, я уже не застал, летел сломя голову прочь, не разбирая дороги, шлепая по слякотному месиву. Остановился только возле двери нашего дома-бункера. Мне открыл Репа, мокрый и запыхавшийся. Через минуту подоспел Фара. А Крикуна все не было. Не появился он и через час, и через два. Ждать становилось все тяжелее. Отсутствие товарища тяготило. Но еще больше тяготило всех опасение, что Крикун расколется и сдаст подельников, что неминуемо обернулось бы крупными неприятностями. Мы вскрыли лабаз на территории Потерянных. По всем понятиям данный инцидент проходил как крысятничество.

«Не гадь, где спишь», – говорил Валет. Сам он нарушал этот принцип только в особых случаях, когда риск оправдывался величиной куша, и к делам таким подходил с удвоенной осторожностью. Мы же затратили на разработку полтора дня, сунулись неподготовленными, засветились, потеряли Крикуна... Даже если это не дойдет до Потерянных, страшно было подумать, что с нами сделает Валет, когда вернется.

Стук в дверь раздался под утро. Я подтащил табурет, взгромоздился на него и ухватил задвижку. Фара сунул в бойницу стволы обреза. Мы переглянулись, ни слова не говоря, кивнули друг другу, и я чуть приоткрыл смотровую щель.

– Кто там?

Ответа не последовало. Через крохотный проем виден был только пустой предбанник.

– Кто, спрашиваю?

Опять тишина.

– Чего надо? – подал голос Фара, стараясь придать ему басовитости. – Товара нет. Через три дня приходи.

Внизу, за дверью, послышались стоны и постукивание.

– Крикун? – боязливо спросил подошедший Репа.

В ответ раздалось неразборчивое бормотание на «собачьем».

– Черт. Крикун! Открывайте скорее!

– Нет, подожди, – преградил ему дорогу Фара. – А вдруг он за собой хвост притащил?

– Угу, – поддержал я. – Откроем дверь, запереться в случае чего уже не успеем. Пусть в окно лезет. Взрослый там следом не протиснется.

– Вы совсем охренели?! Он же не доползет! Пусти! – выкрикнул Репа, пытаясь прорваться к засову.

– В окно, – невозмутимо повторил Фара.

– Уроды! – Репа, поняв бесплодность дальнейших пререканий, подошел к двери и, отшвырнув обрез, заговорил в бойницу: – Крикун, слышишь меня? Сможешь вернуться наружу и подползти к окну? Мы поднимем щит.

С противоположной стороны раздалась слабые вскрики, чередующиеся хрипом, и удаляющееся шарканье.

– Довольны? – Репа посмотрел на нас, как на последнее говно. – А если он не доползет? Если сдохнет там?!

Это был новый для меня вопрос. А действительно, что будет, если Крикун сдохнет? Из талантов он обладал только ловкостью пальцев, позволяющей вскрывать замки любой сложности. Но здесь я смог бы его заменить. Не слишком замороченные механизмы давались мне легко, а с замороченными разобраться – дело практики. Что еще? Нужны ли четыре пары рук, чтобы комфортно подломить хату? Нет. Трех вполне достаточно. К тому же Крикун, видимо, даже если выживет, долго еще не сможет быть полезен. Да и засветился он наверняка отчетливее остальных. По всему выходило, что в сложившейся ситуации потеря Крикуна была нам только на руку.

– Доползет, – ответил я и, спрыгнув с табуретки, направился к окну.

Минуты через две в щит постучали.

Репа с Фарой предусмотрительно отошли в дальний конец комнаты, поближе к чулану. Я, прикинув, что, если на пол упадет граната, успею прыгнуть за книжный ящик, опустил рычаг.

Но на пол упал Крикун. Весь в грязи, с разбитой головой, он даже не пытался встать, скорчился в позе зародыша и жалобно поскуливал.

Первым к страдальцу подскочил Репа.

– Крикун, дружище, ты как? – тормошил он его за плечо, но в ответ раздавалось лишь мычание. – Где болит? Ну?

Подоспевший Фара оттолкнул Репу и перевернул сжавшегося в комок Крикуна на спину. Тогда стало понятно, «где болит». Правый рукав у того был скручен в узел чуть ниже локтя и насквозь пропитался кровью.

– Мать твою. Ему руку отрубили, – Фара сидел над Крикуном и тупо смотрел, как с набухшей культи по полу растекается красная лужа.

Репа, вытаращив глаза, стоял рядом без движения.

Мне бы тоже последовать их примеру да предаться созерцанию, наблюдая уход боевого товарища в мир иной, но вместо этого я взял со стола полотенце, обмотал, как жгутом, осиротевшее плечо Крикуна, сунул между ними первое, что подвернулось под руку – валяющийся на полу обрез – и закрутил, после чего, неожиданно для самого себя, приказал Фаре зафиксировать обрез на плече, чтобы жгут не ослаблялся, а Репе велел прижечь рану. Закончив с распоряжениями, подломил кочергой хлипкий замок оружейного шкафа, достал оттуда «ПММ» и вышел.

Не знаю, что меня подвигло на это. Особой злости я не испытывал. Судьба Крикуна тоже не слишком меня беспокоила. Но отчего-то я был абсолютно, на сто процентов уверен в необходимости такого шага.

Черный ход лавки все еще оставался не заперт. Внутри слышался шум, будто кто-то двигает мебель. Я пошел на звук и, свернув в сторону подсобки, увидел... цель. Это был хозяин лабаза – упитанный, рослый мужик с густой бородою на добродушном мясистом лице. Он, кряхтя, толкал вдоль стены шкаф.

Секунд пять ушло у меня на то, чтобы перебороть себя. Очень хотелось окликнуть суку, посмотреть ему в глаза, насладиться моментом, а уж потом... Но было только «потом». С трех метров я не промахнулся. Толстяк дернул головой, словно получил затрещину, и повалился на пол.

Не сдвинутый до конца шкаф наполовину скрывал дверь. То, что я за ней увидел, многое расставило по своим местам. Хозяин лавки не прочь был перекусить человечинкой. В подвале, куда эта дверь вела, находился ледник с «провиантом». Определить, сколько несчастных нашли там последний приют, представлялось затруднительным. Разделанные туши, руки, ноги и головы были аккуратно развешаны по крюкам, как на рынке. В двух ваннах со льдом хранился переложенный бумагой ливер. В центре стояла колода для рубки мяса. На стене, в строгом порядке от меньшего к большему, висели ножи, тесаки, пилы и топоры.

А вот чего в лавке не нашлось, так это сигарет. Видимо, наш «благопристойный» торговец сам распространял слухи о ценном товаре с намерением заманить очередную закуску.

Поддавшись секундному порыву, я снял одну из ножовок и, прихватив стоявшее в углу ведро, поднялся наверх.

Глава 2

Крикун моего презента не оценил. Наверное, слишком сильны еще были воспоминания об откромсанной руке, а простреленная голова, взирающая со дна ведра добрыми сытыми глазами, навевала тоску. Новоиспеченный инвалид ревел, не затыкаясь. Как нам удалось выяснить из сбивчивых разъяснений, он лишился клешни, пребывая в бессознательном состоянии после того, как огреб прикладом по лбу. Рассечение вышло глубокое, и крови было хоть отбавляй. Неудивительно, что барыга-людоед посчитал Крикуна готовым к употреблению. Но тот вовремя оклемался и сдриснул, воспользовавшись усыпленной бдительностью гурмана. Черепушка оказалась крепкой, благодаря чему сотрясенные, недополучающие кислорода, но все же целые мозги сообразили, как выбраться из склепа-холодильника, и даже подсказали незадачливому хозяину, что хорошо бы найти и прихватить с собой потерянную конечность. На каких гениев медицины Крикун при этом рассчитывал, сказать сложно, однако конечность принес. Правда, чужую, левую, и сильно пострадавшую от обморожения. А тут и я явился с головой... Словом, еще одна чужая часть тела радости ему не добавила.

Зато Валет вопреки ожиданиям смог оценить красоту жеста. Нет, конечно, первым делом он схватил черенок от лопаты и гонял им всю честную братию из угла в угол. Досталось в том числе и Крикуну. Но придя в себя и рассмотрев начавший уже пованивать трофей, наш опекун немного смягчился.

Следующим утром Валет отвел меня на пустырь.

– Держи, – сунул он мне «АПБ» и поставил на камень жестяную кружку. – Ну, давай.

Стрелял я до того лишь дважды. Первое знакомство с огнестрелом произошло рано и не слишком удачно. Баловались с отбитой в драке поджигой. На пятом выстреле казенную часть этого убогого изделия разорвало, и мне только чудом удалось избежать серьезных увечий. Из брови и скулы вытащили семь осколков. С тех пор тягу к пострелушкам не питал, за что вытерпел немало насмешек от соседских пацанов, пока не научился как следует пользоваться ножом. Полученный четыре дня назад опыт стрельбы стал вторым. И вот теперь я стоял в десяти метрах от мишени, вертя в руках громадный «АПБ», и думал, как бы не расстроить Валета. Потому что расстроенный Валет был импульсивен, а рядом валялась доска с гвоздями. Но в тот раз мне повезло, со второго выстрела кружка упала замертво, пробитая навылет. С тех пор тренировки стали регулярными. Патронов Валет не жалел, и оплеух тоже. За две недели я вполне сносно освоил «АПБ», «Кедр» и даже гордость моего наставника – «СВ-99». Да и ножом, как выяснилось, старый нарик владеть не разучился. Для пушкого эффекта Валет даже раскошелился на свежего жмура, отвалив местному могильщику – как сейчас помню – аж восемь монет. Учитывая мой тогдашний рост, тренировался я в основном по «нижнему этажу»: связки голеностопа и коленей, пах, бедренные артерии, брюшина, печень. К вечеру второго дня низ нашего «манекена» стал похож на драную тряпку. Тогда я приступил ко второму ярусу: легкие, связки локтевых и плечевых суставов, сердце, шея. Валет учил бить точно и быстро. Не кромсать абы как, но наносить удары в строгой последовательности: шокировать, сковать, убить. Сам он делал это, казалось, на чистых рефлексах. Медленная, чтобы я смог понять, серия из трех-четырёх тычков и порезов на реальной скорости сливалась в едва уловимое движение рук, занимающее чуть больше секунды. Сталь клинка летела по рубленной траектории, оставляя вскрытую плоть в местах кратких остановок: пах – колено – печень, легкое – локоть – горло, шея – локоть – сердце. Тяжелее всего мне давались удары в грудную клетку. Нож то и дело утыкался в ребра, не желая проникать внутрь. Зато отлично выходила связка пах – колено – подключичная артерия. Протыкать будто специально предназначенную для этого мякоть между ключицей и трапецевидной

мышцей оказалось легче, чем резать неподатливое горло. Валет остался доволен техникой исполнения и даже не ворчал, раз за разом помогая истерзанному трупу бухаться на колени.

Столь пристальное внимание Валета к моей скромной персоне, разумеется, не осталось незамеченным домашними. Фаре и Репе плохо удавалось скрывать недовольство, продиктованное ревностью. Даже едва вышедший из стабильно полуобморочного состояния Крикун начал косо поглядывать, натаскивая меня вечерами по указанию Валета на сложные замки в домашних условиях. Оно и неудивительно. В то время как все занимались делом, я, забросив разбой, стрелял по кухонной утвари да тыкал ножом покойников.

Месяц моего обучения непонятно чему вылился в баснословную по меркам Арзамаса сумму, которую Валет однажды вечером не преминул мне озвучить вместе со способом отработки.

– Бордель на Трудовой знаешь? – начал он без лишних вступлений.

– Угу, – кивнул я.

– Хозяина видел когда-нибудь?

– Нет.

– Его зовут Хашим – жирный упырь килограмм под сто пятьдесят, с плоской узкоглазой рожей. Из норы своей почти не вылезает. Очень любит пацанят твоего возраста.

– Чего?!

– Ты мне тут не чевокай, а слушай и помалкивай, если не спрашивают! Значит так, завтра пойдешь к нему и оприходуешь суку. Сделать это нужно аккуратно. У дверей кабинета, на втором этаже, стоит охрана. Тебя обшмонают при входе, но внутрь, к Хашиму, они не сунутся, если все тихо будет. Это, – Валет протянул мне нож с толстым, но узким десятисантиметровым лезвием, небольшой гардой и короткой обмотанной шнуром рукоятью, в кожаных ножнах с двумя ремешками, – закрепíš на левом плече, там никогда не ищут. Маловат, конечно, но больше нельзя. До сердца таким через сало не достанешь. Горло, яремная, подключичная – тоже не вариант, все жиром заплыло. Попасть можно, но не с твоей квалификацией. Остается единственный путь – через глаз. На дне глазницы есть отверстие, достаточно широкое, чтобы клинок прошел через него в мозг. Да ты и сам знаешь. Короче, у тебя только одна попытка. Промажешь – конец. Ну, все, иди, тренируйся.

Закончив с наставлениями, Валет уселся в кресло, вытянул из ящика наугад газету и приступил к чтению, а я остался стоять столбом, уронив челюсть на грудь и крутя в руках оружие предстоящего убийства.

Весь следующий день прошел в тренировках, как мне и завещал мудрейший учитель. Бить ножом в лицо оказалось несколько сложнее, чем я себе представлял. Но с этим иррациональным предрассудком я справился быстро. Через пять часов оттачивания навыка клинок заходил в череп как по маслу. Правда, справедливости ради нужно отметить, что и отверстия слегка разработались. Бить я старался из разных положений, не рассчитывая на удачу, а тревожные мысли о злодейских намерениях Хашима в отношении моего юного тела помогали тренироваться усерднее.

Вечером пришел Валет. Сорвал с веревки полотенце и обмотал им левую кисть. Я успел заметить две полукруглые раны у него на ладони, сильно напоминающие следы зубов. Мелких зубов в узкой челюсти.

– Собирайся, – приказал он, стоя ко мне спиной.

Я накинул куртку и обулся.

– Что говорить, знаешь?

– Соображу.

– Сообразишь, – кивнул Валет и, затянув повязку, обернулся: – Сутенера, который тебя якобы послал, зовут Паша Кучадел. Запомнил?

– Да.

– Подойди. Дай-ка посмотрю. Угу-угу. Руки подними. Выше. Нормально. Вынуть пробовал?

Я оттянул ворот куртки влево и без особых усилий извлек нож.

– Молодец. Капюшон накинй. Смотри в пол, глазами не зыркай. Из хаты ничего не выноси. Как дело сделаешь, выжди минут пять. А там спокойно, без спешки... Понял?

– Да.

Валет посмотрел на меня еще немного, открыл дверь и махнул рукой «на выход».

Бордель располагался на территории Частников. Пилить до него было весьма прилично, что вкупе с неприветливым отношением местных пацанских шобл к чужакам грозило обернуться проблемами еще до начала основных событий. Но благодаря счастливому стечению обстоятельств к крыльцу «Загнанной лошади» я подошел целым и невредимым.

У входа под вывеской с изображением взмыленной, сверкающей тугим крупом кобылы, стоял внушительных габаритов вышибала, с хрустом разминающий кулаки.

– Куда? – громадная лапа, щелкнув суставами, плотно обхватила мой череп.

– К господину Хашиму, – пискнул я.

– Проходи.

Мало кто верит, но до девяти лет я ни разу не посещал бордель. О предназначении сего заведения мне, конечно, было известно, однако внутренний мир этого пристанища порока до того момента оставался для меня загадкой. Первое, что удивило, – запахи. Знакомые с детства мотивы спиртного, табака и дури дополнялись здесь новыми, волнующими нотками духов, пудр и ароматических масел. Проходящие мимо жрицы любви оставляли за собой сладкий, щекочущий ноздри шлейф. Пышное убранство холла, с обилием зеркал, бахромы и электрического света, усиливало ощущение иной реальности, в которую я провалился, шагнув через порог этого благословенного места из темного серого дерьма, где приходилось выживать день за днем. Эффект был настолько сильным, что мысль о задании поначалу совершенно вылетела из головы. А может, это конопляный дым слишком густо пропитал воздух.

Из ступора меня вывела неожиданно появившаяся прямо перед глазами грудь. Точнее, две груди. Довольно симпатичные. Они качнулись и уставились мне в лицо розовыми сосками.

– Какой хорошенький, – сказали груди, озорно хихикнув. – Ты что тут делаешь, карапуз?

– Карапуз? – повторил я недоуменно, шокированный такой наглостью. – А в еб...? – но вовремя спохватился: – Я к господину Хашиму.

– А-а, – печально вздохнули груди. – Бедняжка, – невесть откуда появилась рука с красивыми длинными пальцами и ласково потрепала меня по щеке. – Вот, держи, – прямо перед носом материализовался яркий фантик, а груди, еще раз вздохнув, поплыли дальше.

«Какие клевые», – подумал я, засунув в рот оказавшуюся внутри фантика карамельку, сладкую, как все здесь.

Потоптавшись немного в холле, ноги вывели к широкой изгибающейся лестнице наверх. Коридор второго этажа заканчивался двустворчатой дверью с парой дюжих охранников по сторонам, к которой меж обшитых темным деревом стен вела алая ковровая дорожка, отороченная золотистой бахромой. Медленно выветривающийся из головы дурман норовил трансформировать все это в цветастый, раскачивающийся подвесной мост, идти по которому, сохраняя равновесие, было весьма затруднительно.

– Чего надо? – ненавязчиво поинтересовался двухметровый «шкаф», когда я доковылял-таки на расстояние пинка.

– Мне к господину Хашиму.

– Опаздываешь.

Я еще больше потупил и без того совестливый взгляд, обдумывая про себя следующую фразу. На ум приходило что-то вроде этого: «Да ну? А что ж ты тут до сих пор стоишь и не отсасываешь боссу?» Наверное, скажи я так, ничего бы страшного и не случилось. Инстинктивная попытка типичного быка выебнуться хоть перед кем-нибудь подавилась бы бессильным рычанием, только и всего. Но язык вымолвил лишь:

– Простите.

– Хм, – «шкаф» довольно ощерился, растроганный столь почтительным отношением, и опустился на корточки. – Ближе подойди. Руки поднял. Повернись. Чисто.

– Босс, – второй охранник поднес к губам трубку, снятую с висящего на стене черного телефона, – к вам посетитель. Да. Понял.

Одна из украшенных резьбой створок двери открылась, и я шагнул внутрь.

Роскошь холла померкла на фоне убранства «норы жирного упыря». Громадная комната, квадратов на сорок, утопала в зеленой парче и темном, красноватом дереве, из которого здесь было все, от застеленного пестрым ковром паркета до изящной резной мебели в количестве, не сразу поддающемся пересчету: серванты и диваны, кушетки и пуфики, столы, стулья, кресла и совсем уж дикие предметы, о названии и назначении которых я мог только догадываться. Обилие бронзы и хрусталя заставляло глаза принимать неестественно округлую форму, а звериные шкуры и внушительная коллекция холодного оружия на лишенных окон стенах окончательно повергали в эстетический шок. Общее величие портит только серый суконный коврик у двери с вышитой черным надписью «В обуви не входить».

Первым делом, пользуясь отсутствием свидетелей, я отстегнул ножны и сунул их в место поудобнее – за пояс. Последовав совету, оставил ботинки при входе и шагнул на ковер. Нога тут же утонула в длинном намягчайшем ворсе. Да, что ни говори, а роскошь – дело хорошее. Так вот прикоснешься и чувствуешь себя человеком. Жаль, редко удается.

Нарезав пару кругов по комнате, я остановился возле гобелена с изображением множества людей в пестрых халатах и остроконечных шлемах. Часть из них держали длинные пики с насаженными головами, другие замерли с кривыми саблями, занесенными над пленниками, стоящими на коленях. Тут же лежали и уже обезглавленные тела. Яркая цветовая палитра гобелена и довольные физиономии одетых в халаты усачей подводили к мысли, что здесь изображен праздник. Картинка мне понравилась. На ней было множество мелких деталей, которые хотелось рассмотреть поподробнее, но от этого расслабляющего процесса меня отвлек раздавшийся за спиной голос.

– Пьешь? – спросил он, низкий и слегка хриловатый.

– Э-э, – я обернулся, безрезультатно ища его источник, – нет, спасибо.

– Ну, тогда один выпью.

Из-за скрывающей вход в соседнее помещение тяжелой парчовой занавеси появился хозяин притона. Ошибиться было невозможно, ибо вел он себя в высшей степени по-хозяйски, да и выглядел соответствующе: шлепанцы на босу ногу, просторные шаровары невообразимой расцветки, такой же халат, кое-как держащийся запахнутым благодаря болтающемуся под объемистым брюхом пояску, и широкий стакан в руке, до половины заполненный янтарной жидкостью. На вид Хашиму было около полтинника. Крупные залысины в собранной хвостом шевелюре и дряблая, заплывшая жиром рожа с тройным подбородком красноречиво свидетельствовали о безвозвратно прошедшей, но бурной молодости. От левой брови старого ловеласа, причудливо изгибаясь через скулу и резко в сторону, рассекая промежуток между носом и губами, проходил шрам, заканчивающийся на правой щеке. Поврежденные нервы, видимо, срослись кривовато, и верхняя губа при разговоре поднималась, обнажая золотые зубы.

– Нравится? – кивнул он на гобелен.

– Да, – честно признался я.

– Здесь изображена победа армии Салах ад-Дина Юсуфа, сына Айюба, над поругателями веры, которые звали себя крестоносцами, в битве при Хаттине. Это было девять веков назад, – Хашим усмехнулся и отхлебнул из стакана. – А ты в какого бога веришь?

– Не знаю, – пожал я плечами.

– Как так? У всех есть свой бог. Кому Иисус, кому Аллах, кому деньги, власть, известность... Каждый молится своим идолам. У тебя какой?

– М-м... Деньги.

Хашим фыркнул и заржал, стряхивая ладонью с халата расплескавшееся пойло.

– Святая простота. Скольких войн можно было бы избежать, имей люди смелость признаться в том же. Все мы – дети одной церкви, – он сунул левую руку в карман халата и, вынув ее сжатой в кулак, шагнул мне навстречу. – Держи, – на раскрывшейся ладони блеснула пригоршня монет. – И пошел вон. Я сегодня не в настроении.

К такому повороту событий Валет меня не готовил. Пришлось в срочном порядке осваивать искусство импровизации.

– Э-э... – замямлил я, не решаясь принять вознаграждение. – Так не годится.

– Что? – Хашим округлил глаза.

– Если вернусь, не отработав, хозяин побьет.

– Ты чего несешь, сопляк? Бери, – он схватил мою правую руку и насыпал серебро в ладонь. – А теперь катись отсюда.

– Господин Хашим, – не оставляя я попыток, суча ногами и трепыхаясь, ухваченный за шиворот, – мне нужно вам кое-что сказать. Пожалуйста.

– Ну, – движение к двери остановилось, Хашим встряхнул меня и повернул лицом к себе. – Говори живее, что хотел.

– Я... я... – мысли сбились в кучу, закипающая от адреналина кровь пульсировала в ушах. – Я. Ваш. Сын, – вымолвил наконец окостеневший от напряжения язык.

– Чего?!

– Сын, сын, – повторил я, словно это было заклинание, способное остановить время и дающее возможность перевести дух.

– Ты, пацан, в своем уме? – Хашим сделал шаг назад и внимательно ко мне присмотрелся. – Кто тебе сказал такую чушь?

– Мама, – ответил я, не раздумывая.

– Да какая, к хуям, мама?!

– Босс, у вас все нормально? – донесся из-за чуть приоткрытой двери голос охранника.

– Пшел вон!

– Слушаюсь.

– Сколько тебе лет? Кто мать? – вернулся Хашим к прерванному разговору.

– Мне девять лет. Маму звали Жанной.

– Жанной, – повторил Хашим задумчиво. – Черт. По именам-то я их не очень... Кликуху знаешь?

Я отрицательно покачал головой и вздохнул.

– Вроде была у меня какая-то Жанна. Девять лет, говоришь? Н-да... Она живая еще?

– Умерла, – шмыгнул я носом. – Месяц назад, от лихорадки.

– Вот, блядь, всегда так, – хлопнул себя Хашим по ляжке. – Чуть что, ответственного не найти. Ну-ка, – он ухватил меня за подбородок и присмотрелся, насупившись. – Что-то не похож ты ни хуя. Хотя...

– Мама говорила, вы – добрый человек, – попытался я сделать максимально проникновенный взгляд. – Она хотела, чтобы я вырос таким же умным, чтобы далеко пошел.

– Правда? – Губы «отца» скривились в подобие улыбки. – Что она еще говорила?

– Мама не часто об этом рассказывала, только перед смертью. Плакала все время. Жалела, что не сказала раньше. Думаю, она любила вас.

– Хм, – Хашим развернулся и, качая головой, прошел к бару, чтобы наполнить опустевший стакан. – А знаешь, – начал он, звеня бутылками, – у меня ведь пять дочерей. Ну, насколько известно. Прямо проклятье какое-то, сука за сукой. Видеть их не могу. Работа, она, как ни крути, накладывает отпечаток. Сына я хотел в свое время, очень хотел, но не судьба, – он неожиданно остановился и посмотрел на меня серьезно. – Ты здоров?

– Только краснухой болел.

– Славно. А с глазами что?

– Не знаю, – изобразил я улыбку. – Мама говорила: «Это солнечные лучики заблудились».

– Лу-учики, – протянул Хашим, наливая очередную порцию спиртного. – Хех. Видишь-то нормально?

– Отлично вижу. Даже в темноте.

– Вот как? Славно-славно. Еще мутации есть?

– Больше нету.

– Почти что лац?

Такое оскорбление мне тяжело было вынести даже от «отца».

– Я не лац! – Рука сама собой дернулась в направлении ножа, едва не сведя все старания к нулю.

– О-о! – Хашим поставил стакан и, хохоча, захлопал в ладоши. – Вот теперь вижу фамильное сходство, – он подошел и еще раз смерил меня взглядом. – А чего спектакль разыгрывал, будто прислан? И откуда ты узнал вообще? У меня ведь сегодня и впрямь назначено.

– Это не спектакль, – потупил я глазенки. – Мне знакомый помог. Он у господина Куча-дела работает. Я целый месяц ждал, когда его к вам пошлют. Заплатил девять серебряных – все, что после мамы осталось – и поменялся с ним.

– Хех. Смышленный. Стало быть, все на карту поставил?

– Мне мама велела обязательно с вами встретиться.

– Да еще и исполнительный. Хорошо. Только что же ты с пидорами дружбу водишь? Сам-то не по этой части?

– Что вы! – изобразил я сдержанное возмущение. – Никогда. Да и не друг он мне, я же говорю – знакомый. Был бы другом, разве стал бы деньги просить?

– Запомни, парень, – Хашим принял серьезный вид и указал на меня пальцем, – пидоры – не люди. Они хуже баб. Шлюхи с рождения. Общаться с ними можно только одним способом. Подрастешь, расскажу, – он сделал два больших глотка, опустил на корточки и положил правую руку мне на левое плечо. – Сын, значит?

– Сын, – ответил я.

– Хм. Ладно, время покажет.

Рука потянула меня вперед и тут же ослабла. Согнутые в коленях ноги зашатались. Мертвое тело конвульсивно дернулось и повалилось на спину. Из-под утонувшего в глазнице по самую гарду клинка побежала кровь, залила веки и тонким ручейком устремилась вниз по щеке.

Я постоял над трупом секунд десять, наблюдая за конвульсиями, тронул Хашима ногой, ответной реакции не последовало, на всякий случай проверил пульс – глухо.

Помню, первое, что почувствовал, – дикая злоба на себя. Безумная. До зубной боли. В голове сформировалось осознание масштаба трагедии. Я только что собственными руками загубил свое будущее. Вот оно, лежит у моих ног и не дышит, только смотрит в пустоту един-

ственным немигающим глазом. Голова закружилась. Роскошные апартаменты вдруг потеряли четкость, поплыли, отдаляясь все дальше и дальше.

– Бляяядь...

Я опустил на пол и сел, вытянув ноги.

Не знаю, сколько времени прошло до того, как ясность рассудка вернулась. Когда сидишь и тупо смотришь в одну точку, а голова гудит от пустоты, счет минутам теряется. Разум оставляет пост и, махнув на все рукой, идет отдыхать. Наверное, это такой защитный механизм. Ведь в противном случае легко разбить свой безмозглый чалдан с досады о стену. По крайней мере, в первые секунды подобная идея не кажется лишенной смысла.

Немного оклемавшись, я натянул ботинки, окинул напоследок печальным взором уплывшее из рук счастье и вышел за дверь.

– Стоп, – рука охранника ухватила меня сзади за капюшон. – Босс, мальчишка уходит. Отпустить? – пробасил он в трубку.

– Тищщ, – поднес я к губам указательный палец. – Господин Хашим просил не беспокоить его. Он сильно расстроен. Очень сильно.

– Опять, что ли, не фурычит? – шепотом поинтересовался охранник, указывая взглядом себе в район паха.

– Угу.

– Бля. А я отпроситься на завтра хотел, – задумчиво-растерянное выражение уркобой физиономии сменилось разгневанным. – Херово работаешь. Катись отсюда.

Бедный идиот. Интересно, как скоро он сумел понять, насколько теперь свободен? И как долго прожил, прежде чем компаньоны Хашима сказали ему: «Херово работаешь»?

Домой я вернулся злым как черт. Недовольство собой по дороге удивительным образом трансформировалось в злобу на Валета. Он-то меня ни разу к груди не прижимал. Только упреки да затрещины постоянно. И вот когда блеснул единственный лучик надежды, этот мудака опять все обговнял, подначил завалить Хашима – мой билет в светлое будущее. Паскуда, ненавижу.

– Ну? – Валет оторвал взгляд от газеты.

– Сделал, – огрызнулся я, швырнув куртку в угол.

– Как прошло?

– Зашибись.

– Хм, – Валет отложил свое чтиво и скрестил руки на груди. – Ты чем-то недоволен?

– Чем я могу быть недоволен? Говорю же – все за-ши-бись. Хашим мертв, шума нет, а я снова...

– Что «снова»?

– Ничего.

На следующий день Валет подозвал меня и молча вручил тридцать серебряных – мой первый гонорар. Заказ уровня Хашима стоит не меньше пяти золотых, так что мне перепало десять процентов. Но тогда я этого не знал и радовался от души. Восемь монет тем же вечером были с размахом проедены всей шоблой в пекарне на Парковой.

– Ладно, колись, – уже раз в пятый «закинул удочку» Фара, – откуда такие лавэ?

– Да, – поддержал Репа, дожевывая булку, – мы – могила, ты же знаешь.

– Замочил кого? – выдвинул Фара гипотезу.

– Если Валет захочет, сам расскажет, – парировал я с достоинством. – А нет, так и мне трепаться ни к чему.

– Ну ты жук, – усмехнулся Репа. – Две недели пропадает, хрен знает чем занимается, а потом начинает деньгами сорить, и слова не вытянешь.

Пожалуй, именно тогда я почувствовал себя. Не хорошо, плохо или еще как, а просто – себя. Я ел на деньги, заработанные чужой смертью. Горячая сладкая булка в моих руках – вот во что я превратил Хашима. И мне это нравилось, определенно нравилось.

Глава 3

Тот раз был последним, когда мы собрались все четверо на Парковой. Два дня спустя Валет отозвал меня в сторонку и доверительным тоном поведал о насущных проблемах. Начал издалека:

– Сколько мы уже вместе?

– Кто? – спросил я.

До сего момента склонности к подобным разговорам «по душам» за Валетом не водилось, и это настораживало.

– Ну, мы с тобой.

– Шесть лет.

– Точно. Целых шесть лет. Ты тогда совсем малой был, задохлик, едва на ногах держался. А как вымахал, – он улыбнулся и потрепал меня по плечу. – И с пацанами общий язык нашел быстро. Кстати, как тебе они?

– Не понял. Что «как»?

– В целом. Отношения там, терки, может, с кем имеются?

– Да нормально все, – этот противоестественный разговор начал меня не на шутку раздражать.

– М-м... Хорошо, хорошо. Я слышал, Фара адресок нарыл за Межой. Прощупывали уже?

– Дня три еще посмотреть решили. Визитеров там многовато было в последнее время. Сейчас вроде тихо все. Если так и останется, в четверг пойдем.

– Каким составом?

– Обычным, – пожал я плечами, искренне не понимая, о чем речь.

– Крикуна возьмете?

– Возьмем. На стреме постоит, – и тут до меня начало доходить. – А что не так?

– Да... – Валет откашлялся и сплюнул. – Крикун ведь у нас по замкам был мастер. До того случая. А с одной рукой он – сам понимаешь – пользы не принесет. На стреме и Репы достаточно. Ты любые внутренки с серьгами отмачиваешь на раз. Зачем Крикун? Он теперь – обуза. А в нашем деле обуза ох как вредна.

– Ну, тогда не будем его брать. И втроем справимся.

– Верно, справитесь. А с Крикуном что делать?

Таких вопросов Валет раньше мне не задавал. «Когда? Сколько? Где? Какого?» – это да, постоянно. Но «что делать?» – впервые.

– В смысле?

– В том самом смысле. Что предложишь?

Умом я, конечно, понимал, чего Валет ждет от меня, но выдать нужные ему слова не смог. Что делать с Крикуном? Сама эта блядская постановка вопроса уже не сулила ничего хорошего. Нет, он не был мне другом и даже приятелем, мы просто жили под одной крышей, но все же...

– Не знаю.

– Знаешь, – утвердительно кивнул Валет.

– Почему бы его просто не... ну... отпустить, что ли?

– Чтобы он всех заложил?

– Да Крикун и говорить-то толком не умеет.

– Зато умеет писать. Может, ему и вторую руку укоротить по локоть, и пинком на улицу? Ну что пялишься, как баран? У меня тут не богадельня.

– Я не смогу.

– Еще как сможешь. Или хочешь, чтобы я сам этим занялся? Тебе проще сделать все похожим на исчезновение. Вышли вдвоем, а там, дескать, разошлись, и хер его знает, куда он после этого запропастился. Помнишь, Крикун пропадал однажды на два дня? Вы его по всем канавам искали, а он с заводскими бухал. В тот раз для него обошлось, а в этот не проканает. Чем плоха легенда? Да не бзди, – Валет усмехнулся, вынул из портсигара косяк и закурил. – Все нормально будет. Завтра Фару с Репой заставлю печь почистить, а вы с Крикуном пойдете шупать адрес. Выбери маршрут нелюдный, придумай там чего-нибудь, что заскочить нужно по делам... Ну, сообразишь. Главное – от дома и от хаты той подальше. Понял? Понял, спрашиваю?

– Да.

– Ну и славно. Возвращайся к делам.

Дело у меня тем утром было весьма приятное. За день до того я потратил три монеты на покупку ржавого велосипеда и теперь собирал в единый механизм промытые и смазанные шестерни задней втулки. Встал я рано и к девяти часам успел почти все привести в рабочее состояние. Разумеется, после этого я планировал весело и от души погонять на своем приобретении. Но Валет за неполных три дня умудрился втоптать в говно уже вторую мою мечту. Настроение – понятное дело – резко испортилось, стало уже не до покатушек. Я сложил инструмент с разобранными деталями в тряпку, закинул велосипед на плечо и поплелся со двора домой.

– Починил? – спросил Фара, оторвавшись от карт.

Вся троица была на месте и увлеченно резалась в подкидного.

– Нет, – ответил я. – Потом доделаю.

– Ты давай не затягивай. Мы тут с Репой забились, кто первым от нашей двери до угла хрущевки доедет. Я свой нож поставил против его кастета.

– Хоро-о-оший ножик, – осклабился Репа, жадно потирая ладони.

– Вы же ездить не умеете.

– Ну и ладно, – пожал Фара плечами. – Так даже интереснее.

– Придурки. На что? – кивнул я в сторону шлепающих по табуретке карт.

– На фофаны.

– Отлично придумано. Крикун одной рукой проигрыш берет?

– Не. Мы с Репой за него друг другу отвешиваем.

– Ну, раздайте, что ли, и мне.

– Садись. – Фара собрал колоду и, перетасовав, раскидал на четверых. – А чего смурной такой? Из-за велика, что ли?

– Да, – я подтащил стул и взял шесть причитающихся карт, тертых-перетертых, с почти неразличимым от грязи рисунком рубашки. – Дорого отбашлил. Он больше двух монет не стоит.

– У богатых свои причуды, – усмехнулся Репа. – Останутся детали лишние, шурупы там, гайки – мне отдавай. Я решил Крикуну руку новую выправить. А то видишь, как мучается, – кивнул он в сторону нашего инвалида, вынужденного совершать сложные телодвижения в попытке справиться с картами одной рукой. – Аж смотреть больно. Думаю зажим ему сделать, крюком согнутый, чтоб и подцепить можно было, и вложить что нужно. Чего? – обернулся он на «лай» Крикуна. – Ага, конечно, еще изумрудами украшу. Ножик выкидной хочет к протезу присобачить, – пояснил Репа присутствующим. – Киборг, бля.

Шутка была встречена дружным гоготом. Я тоже посмеялся за компанию, хотя вместо смеха хотелось блевануть. В горле возникла желчная горечь, и чертовски разболелась голова.

– Ты чего? – Фара закончил ржать и уставился на меня выпученными глазами. – Поплохело?

– Голова побаливает.

– Ты бледный как смерть, – заметил Репа. – И лоб в испарине.

– Пойду прилягу, – я уронил карты и поплелся в свой угол.

Не знаю, сам я лег или меня положили, скорее второе, потому что, очнувшись, обнаружил на затылке здоровенную шишку. Видимо, отключился по дороге и упал. Последнее, что запомнил, – ослепительная белизна перед глазами. Когда открыл их, увидел Крикуна. Он сидел рядом и смачивал в тазу тряпку, после чего попытался приладить ее мне на лоб, но, увидев, что я очнулся, вздрогнул и отпрянул назад, будто от покойника, надумавшего вдруг размяться.

– Что случилось? – я сел и прислонился к стене.

Голова уже не болела, но тяжелой была, как чугунная, тело била мелкая дрожь.

В ответ на мой вопрос Крикун неразборчиво пролаял, но видя, что подобное общение со мной смысла сейчас не имеет, махнул рукой и побежал на улицу. Вернулся он вместе с Фарой. Тот прискакал запыхавшийся и радостный.

– Черт! Ну напугал! – хлопнул он меня по плечу. – Мы уж думали – все, больше за твой счет не похарчуемся, начали лисапед делить, – веселость на Фариной морде сменилась серьезным выражением. – Ты как?

– Башка будто гиря пудовая. А в остальном вроде нормально. Что тут произошло, ни черта не помню.

– Вырубился ты, вот что. Мы в карты играли, ты заявился с великом разобранным, тоже сел, а потом сказал, что голова болит, пошел прилечь и отключился. Хорошо, мы еще фофанов тебе перед этим не навешали, а то и правда помер бы. Одиннадцать часов в отрубе лежал.

– Где Валет?

– С утра не видел. А что?

– Да так.

Я сел на край топчана, взял в руки таз и опустил в него лицо. Холодная вода помогла развеять пелену перед глазами и немного унять дрожь.

– Чего скалишься? – посмотрел я снизу в нависшую довольную физиономию Крикуна.

– Хорошо, что живой, – прогавкал он в ответ.

Вот ведь скотина пахорукая. Так и дергал за душу, будто знал. Я молча смотрел в его добрые, словно у гадающей собаки, глаза, а на уме вертелось одно: «Крикун, Крикун... Лучше бы ты сдох тогда, под дверью, или вообще не возвращался. Ходячая проблема. Что с тобой делать теперь?» Хотя, что делать, я уже знал.

Утром вернулся Валет, сильно навеселе. Но робкая надежда, что «благодетель» сейчас накатит еще «для блеску» и заснет часов на двенадцать в собственной блевотине, как частенько бывало, не оправдалась. Вместо этого он устроил всем грандиозный нагоняй за безделье во время собственного отсутствия, сунул Фаре в ухо и заставил драить печь, увесистым пинком назначив Репу в помощники. Мы же с Крикуном, как и следовало ожидать, были откомандированы «щупать адрес».

Вести диалог с человеком, который разговаривает так, словно подавился огромной костью и задыхается, – дело непростое, поэтому шли мы молча. Утренний морозец прихватил размешанную ногами и телегами дорожную грязь. Подошвы скользили, ступать приходилось осторожно. Крикун неловко балансировал, размахивая культей, и чертыхался, благо короткие слова с минимумом гласных давались ему относительно легко.

Пройдя треть кратчайшего маршрута, я свернул в сторону, аргументировав сей маневр поручением Валета касательно покупки бухла. Крикун возражать не стал. Через пятнадцать минут мы остановились, чуть не доходя до сгоревшего здания железнодорожного вокзала. Места безлюднее в радиусе ближайших трех километров было не найти. Уж больно дурная слава за ним закрепилась. Ходили слухи, что где-то в этом районе находится несколько под-

земных топливных резервуаров, довоенной еще – ясен хрен – постройки, и что будто бы резервуары эти после опорожнения без дела не остались, а были объединены тоннелями и ныне представляют собой систему бункеров, заселенных... А вот по поводу личностей их обитателей однозначного мнения не было. Одни утверждали, что это абсолютно деградировавшие отбросы, просто сбившиеся в кучу. Другие, осеняя себя крестом, божились, что видели на вокзале неких карликов, ростом не выше метра, которые якобы и организовали подземное убежище. Третьи, тоном посвященных в истинные корни зла и непременно шепотом, сообщали, что твари под землей не имеют к людям даже отдаленного отношения, ибо они есть порождения Сатаны. Как бы там ни было, но исчезнувших жителей Арзамаса первым делом шли искать сюда и частенько находили... фрагментарно. Ключья одежды и кожи, внутренности, не годные в пищу, выбитые зубы, иногда попадались даже мелкие части тела, такие, как пальцы, обсосанные до костей. Но вокруг места разделки следов не обнаруживали, словно добычу сложили в брезентовый мешок и унесли, что говорило о непричастности зверья к сим ужасным деяниям. В общем, место было неудобное, и Крикун, разглядев очертания вокзала, схватил меня за рукав.

Спроси меня сейчас: «Зачем поперся в эту жопу, если не собирался убивать?» – я не отвечу. Детские мозги странно устроены. Они воспротивились основному распоряжению Валета, но в том, чтобы зарулить в место побезлюднее, ничего предосудительного не нашли и даже подобрали наиболее подходящее для «исчезновения».

– Не ссы, – попытался я вырвать руку из цепких пальцев. – Дальше не пойдем.

Крикун, боязливо озираясь, сделал шаг назад.

– Держи, – я протянул ему заготовленный с вечера узел. – Здесь сало, фляга, мыло, зажигалка. И вот еще, двадцать монет, на первое время хватит. Тебе нужно уходить.

Помню, что произнес это на чистом автомате, как будто в сто первый раз сказал про себя, чем и занимался всю дорогу, но мерзкое, крутящее кишки чувство никуда не делось. Скорее наоборот. Захотелось немедленно оказаться в другом месте. Хоть у черта на рогах, лишь бы подальше от глаз Крикуна.

– Крхто? – выговорил он полусшепотом.

– Бери и уходи, – повторил я. – Слушай, мне эта затея самому поперек горла. Но ты облажался. И Валет... Он... Короче, назад тебе нельзя.

Стеклянный взгляд Крикуна медленно опустился к земле, ослабевшие в коленях ноги сделали еще два шага назад.

«Вот так, – думал я, – все правильно, иди. И пусть эта блядская история закончится».

Но Крикун думал иначе. Разорвав дистанцию, он пригнулся и с перекошенной от ярости рожей бросился вперед. Все, что успел сделать я, – сгруппироваться. Но удар плечом в живот все равно вышел более чем чувствительным. Следующее, что я увидел, уже лежа на земле – просвистевший возле правого уха кастет. Сносно владеть левой рукой Крикун, на мое счастье, так и не научился. Ко второму удару я был готов и сумел отбить, а третьего он нанести не успел. Нож вошел ему в шею и застрял между позвонками. Крикун вытаращил глаза, захрипел и резко дернулся вбок, вырвав рукоять из моей вспотевшей ладони. Растопыренные в кастете пальцы заскребли по земле, культия молотила воздух в тщетной попытке дотянуться несуществующей кистью до ножа. Рана была не смертельной. Но второго шанса я ему не дал. Пошарив вокруг, рука нащупала камень, через секунду проломивший Крикуну череп.

Я собрал рассыпавшиеся по земле монеты, вынул из бьющегося в конвульсиях тела нож и ушел. Часов пять шатался по окраинам. Брел не глядя, туда, куда в здравом уме ни за что бы не сунулся. Я убил Крикуна. Эта мысль, как раковая опухоль, разрасталась, пока не заняла всего меня целиком. Я убил Крикуна. Того, с которым шесть лет делил кров и пищу, который за всю жизнь пальцем меня не тронул. Я. Убил. Крикуна. Тот факт, что этот засранец

сам не прочь был меня порешить, отчего-то не успокаивал. А ожидание встречи с Фарой и Репой, их вопросов о пропавшем товарище норовило завязать кишки в узел.

Хорошо, что к моему возвращению дома оказался только Валет. «Благодетель» сидел в кресле и чистил свой «Ижак».

– Проводил? – спросил он ровным голосом, глядя на меня через ствол с казенной его части. – Что молчишь? Сала кусок унес и думал – не замечу? За дурака меня держишь? Так ты, значит...

– Крикун мертв, – перебил я его, поставив узелок на табуретку. – Лежит у вокзала, не доходя метров пятидесяти по Молокозаводской. Можешь пойти посмотреть.

Валет хмыкнул и опустил ствол.

– Передумал, что ли?

– Нет, – честно признался я. – Случайно вышло.

– Случайно, говоришь? Это ж надо. Крикун потянулся за салом и по неосторожности сел на перо? Вряд ли. А может, он по дороге заболел и умер? Тоже маловероятно. Мне более правдоподобным представляется такой вариант – ты предложил ему свалить, а он этого не оценил. Защищаясь, ты убил Крикуна. Ну, я прав?

По роже было видно, что весь этот спектакль доставляет ему массу удовольствия.

– Да, прав.

– А чего ж такой кислый?

Я разулся и сел на кровать.

– Не знаю. Хреново как-то. Не думал, что может быть так...

– Понимаю, – усмехнулся Валет, орудуя шомполом. – Препаскуднейшее чувство. Оно называется – совесть.

– Совесть, – повторил я. – А что это?

– Ну, ты даешь. Совесть – это... Как тебе объяснить? – Валет задумался и, хмыкнув, покачал головой. – Давным-давно, лет тридцать назад, в нашем парке жили соловьи. Мелкие птицы, но голосистые – спасу нет. Бывало, идешь, слушаешь их, и хочется что-то хорошее сделать, доброе. Злоба вся уходит куда-то. К примеру, надо тебе хату спалить должника нерадивого. Кидаешь, падла, уважаемых людей через хуй направо и налево. А эти суки, соловьи сраные, поют и поют, нутро выворачивают. И начинаешь поневоле задумываться о ерунде всякой. У этого шныря ведь, думаешь, и детки есть малые, и баба – та еще краля писаная, жалко. А дело делать все равно надо. Вот так идешь, керосин в канистре плещется, а на душе до того паскудно, что хоть в петлю, – он вздохнул, достал самокрутку и закурил. – Да. Такие дела. А потом соловьи сдохли. Не стало их совсем. Говорят, экология вконец испортилась. Сейчас я уже и не помню, как те песни звучали. И мысли глупые в голову с тех пор не лезут. Просветлела без них голова. Так-то вот.

– Интересно, – кивнул я, дождавшись окончания рассказа. – А про совесть что?

Валет посмотрел на меня с выражением недоумения, переходящего в жалость.

– Дурак ты совсем еще. Вроде умный, а дурак. Мойся иди, скоро жрать будем.

Вернувшись с вечерней вахты Фаре и Репе я рассказал заранее припасенную историю о том, как Крикун на обратном пути свинтил куда-то по своим делам, да так и не вернулся. Фара тут же вспомнил недавний случай, о котором упоминал Валет, и предложил с утра наведаться к заводским, пока те снова не накачали Крикуна сивухой до предсмертного состояния. Я горячо поддержал эту идею. А на следующий день вместе со всеми материл проклятых самогонщиков, возвращаясь ни с чем. Ходили мы и к вокзалу, но тела там уже не было. Поиски продолжались целую неделю. Опросили, кажется, половину Арзамаса. Никто ничего не видел. Поначалу изображать сердобольного товарища мне удавалось с трудом. Но уже на третий день я привык, вошел в роль полностью.

Сильнее всех горевал Репа. Чем дальше, тем тяжелее. День за днем он, убеждаясь в бесплодности поисков, замыкался. Вечером шестых суток я впервые увидел его плачущим. Репа сидел в темном углу коридора на холодном бетоне, его руки безвольными плетями лежали между вытянутых ног, а по щекам катились слезы. Абсолютно беззвучно. Ни рыданий, ни всхлипов. Он был похож на мертвеца. А я прошел мимо. Хотел остановиться, но...

Жизнь без Крикуна стала другой. Разговоры не клеились. Дни, когда для трепы не приходилось искать темы, остались в прошлом. Мы все больше времени проводили порознь, объединяясь лишь на очередное дело.

Я сблизился с Валетом. Не знаю почему, но общение с ним мне теперь давалось легче, чем со старыми друзьями, словно у нас была единая частота. Он продолжал учить меня, я учился. И находил в этом удовольствие. Настоящее. Ни с чем не сравнимое. Будь то оттачивание ножевых ударов, упражнения со струной или подаваемая Валетом в полушутливой манере техника использования пилы Джигли – все проглатывалось мною с жадностью неделю не кормленной свиньи. Хотелось еще, несмотря на усталость, мозоли и порезы. Чувство клинка, одним точным движением разваливающего плоть, входящего, как по маслу, меж ребер, стало приятнее всего, что я знал раньше. Два чисто отработанных заказа укрепили уверенность Валета в правильности выбранного пути, пересилив сомнения относительно моего здоровья. А сомневаться было в чем. Головные боли участились. Еще трижды, не считая первого случая, я терял сознание. Правда, ненадолго. Валет даже раскошелился на врача из Чистого района. Тот посмотрел, выслушал, дал заключение – мигрень, прописал покой, сон и пятьдесят граммов горячительного в случае очередного приступа. Совпадение или нет, но после визита эскулапа обмороки прекратились. Приступы ослабли. Постепенно я научился контролировать боль.

Фара завел корешей в Рабочих порядках и все свободное время терся с ними. Из скупок рассказов выходило, что ничего серьезного они собой не представляют, выполняя, по большей части, роль мальчиков на побегушках для Потерянных. Валет не возражал. Его вообще мало волновали занятия подопечных, пока те продолжали приносить стабильный доход. А пайку свою Фара отрабатывал добросовестно.

В отличие от Репы. Со смерти Крикуна тот так и не оклемался, хотя прошло уже больше года. Дружбы ни с кем не водил. Даже разговаривал, казалось, через силу, лишь по необходимости. В свои двенадцать лет Репа выглядел пожилым карликом – сутулый, осунувшийся, с болезненной чернотой вокруг мутных глаз и неизменным запахом перегара, который сопровождал его даже во время работы. С таким положением дел Валет мириться не мог. Первый разговор «по душам» остался без внимания. Второй проходил уже на сильно повышенных тонах. Выражений Валет никогда особо не выбирал, а тут и вовсе превзошел себя. Слыша то, что доносилось через стену, я не удивился бы, получив соответствующие указания, теперь уже относительно Репы. И, сказать по правде, узелок бы собирать не стал. Но на сей раз мое участие не понадобилось. Следующим утром я проснулся от крика Фары. Тот прибежал весь красный и потащил нас с Валетом в коридор. На идущих вдоль стены трубах висел Репа. Ноги его были согнуты в коленях, а носками касались пола. Шею стягивал шнур. Лицо посинело, язык вывалился изо рта, глаза закалились. Пахло мочой. Умирал он, похоже, долго. Накинул привязанную к трубе петлю и поджал ноги. Судя по ссадинам и широкой лиловой полосе, опоясывающей шею, попыток было несколько. Вздернуться по-людски не дал низкий потолок, а делать это на улице Репа отчего-то не захотел.

Помню, что вид его труп не вызвал никаких чувств, кроме безразличия. Я тогда еще подумал: «Вот мудак. Теперь неделю ссаньем будет вонять».

Валет молча сплюнул и пошел за лопатой.

Да и Фара недолго горевал. Помог зарыть тело на пустыре, повздыхал немного и отправился по своим делам. Думаю, в душе он был рад такому исходу. Репа изрядно достал всех

своим похуизмом, ставил нас под удар, был неэффективен. А неэффективные особи должны умереть. Я читал, что у некоторых видов акул детеныши пожирают друг друга еще в утробе матери. Выживает только один. Он-то и появляется на свет. По-моему, гениальный способ отбора и предельно гуманный. Слабые просто не рождаются, не страдают от лишений и презрения, не загаживают по недоразумению генофонд. Все-таки природа способна творить шедевры, если дать ей свободу для творчества, не зажимать рамками чуждых технологий и еще более чуждой морали. Она не этого от нас ждет.

Соловьи сдохли. Мир их праху.

Глава 4

Летом пятьдесят восьмого моя «мигрень» неожиданно напомнила о себе. С головными болями я к тому времени свыкся. Так бывает. Если что-то происходит регулярно, к этому привыкаешь, и боль – не исключение. Просыпаешься с утра, морщишься от рези во лбу, чуть повыше надбровных дуг, идешь справлять нужду, умываешься, чувствуя, как резь постепенно сменяется тупой ломотой, красные точки в глазах, пульсация, одеваешься, ешь, подташнивает, не так чтобы очень, обратно не лезет – и хорошо, натягиваешь ботинки сидя, голову лучше не опускать ниже плеч, накроет, выходишь из дома, снова морщишься от скрежета петель, резонирующего в черепе, улица, еще один день начался так же, как сотня предыдущих.

Вот и тот памятный день с утра ничем особым себя не выдал.

Заказов не было, достойных внимания адресов тоже не наклеивалось, Валет опять свалил по делам, и я, пользуясь избытком свободного времени, подрядился на участие в «командировке» – так дружки Фары называли рейд по окраинам Чистого района с посещением тамошних значных мест в целях спасения несчастных лацев от наркотического голодания. Дурь была не ахти – дерьмовенькая конопля с самосадным табаком, солома соломой. Стоящую шмаль этим дегенератам Потерянные не доверяли. Тем не менее расходился товар весьма бойко, и торгаши-лацы охотно брали его на реализацию. Основная трудность заключалась в доставке. Лацы на Поле соваться не желали, а хозяева Чистого района ревностно охраняли свою вотчину от посягательств со стороны обитающих за Межой недочеловеков. Если по окончании знакомства с блюстителями порядка незадачливый визитер пару недель мочился кровью – это можно было считать устным предупреждением. Посему в командировки ходили ночью, что несколько снижало риск незапланированных встреч, а мое участие в качестве дозорного снижало его еще больше. За это я получал долю – командировочные – двадцать косяков. Остальные довольствовались пятнадцатью. При этом каждый из пяти курьеров тащил за плечами обшитую дерюгой и опечатанную сургучом коробку с двумя тысячами доз.

Командировка в тот раз удалась. Мы успешно разминулись с патрулями и, оставив груз в трех разных точках, вернулись обратно. Данное событие решено было отметить. Ошивались дружки Фары обычно в кое-как обустроенном коллекторе, неподалеку от молокозавода. Туда мы и направились, предварительно сменяв пять косяков на литровую бутылку самогона и две рыбины, засушенных до состояния окаменелости.

– Ну, будем, – произнес тост Липкий и поднял кружку.

Этот весьма несимпатичный субъект являлся негласным лидером шоблы. Ему было уже пятнадцать, и на правах старшего он вел дела с Потерянными, чем очень гордился. Откровенный неудачник. Его одноклассники уже ходили в боевиках, а этот ошивался с малолетками и ничего менять в своем убогом существовании не планировал. Видимо, боязнь оказаться среди сверстников последним была сильнее самолюбия, если оно вообще ему знакомо. По виду Липкий напоминал червя – долговязый, с узкими плечами и слоем жирка на дряблом мясе, он даже двигался волнообразно, а неизменно сальная кожа и жидкие, налипшие на одутловатую физиономию лохмы гармонично дополняли образ. Маленькие прищуренные глазки находились в постоянном движении, лихорадочно рыская по сторонам, словно их обладателю грозила смертельная опасность. Разговаривал Липкий тихо и отрывисто, из-за чего был частенько игнорируем, но не обижался, предпочитая, в таком случае, сделать вид, будто и вовсе молчал.

Жестяные кружки глухо стукнулись, порадовав тостующего тем фактом, что его на сей раз услышали, и горячие ручейки самогона потекли вниз по организмам.

– Надо бы у Петли надбавки попросить, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Баба – единственный толковый парень, не считая Фары, в этой гоп-компании. Двенадцати лет от роду, невысокий, но крепкий, с цепкими серыми глазами и бритым под ноль, покрытым шрамами черепом. Совершенно не вяжущуюся с суровой наружностью кличку получил за любовь к балисонгам – ножам-бабочкам, коих имел две штуки и крайне редко выпускал из рук, крутя на все лады.

– Задарма башкой рискуем, – продолжил он, отвернув рыбине голову, и шумно втянул ноздрями ее аромат.

– Точно, – кивнул Фара, присоединившись к глумлению над рыбьей мумией. – План дешевет, а доля как была, так и осталась.

– Серебром надо брать, – резюмировал Баба. – Задолбался я уже. Мало того, что крохи переппадают, так их еще и сбагрить хер найдешь кому. Один был покупатель путный – дед с четвертой линии, шахтер, – и тот подох на прошлой неделе. Это Дрыну хорошо, – кивнул Баба на высокого жилистого парня, идиотски хихикающего чуть поодаль, – он сам все скрывает. А мне деньги нужны.

– Зачем? – поинтересовался Липкий, разливая по второй.

– Ты сам-то понял, чего спросил? – Нож в руках у Бабы завертелся с повышенной скоростью, выдавая раздражение.

– Свалить, что ли, думаешь? – усмехнулся Фара.

– А может, и так.

– Куда?

– На север пойду. Вот скоплю на ствол, снарягу, и ходу отсюда.

– В Триэн?

– В Триэн, – повторил Дрын, тыча пальцем в Бабу, и зашелся истерическим хохотом.

– Хуй ли ржешь?! Ты там был?! Вот и заглохни!

Снова разыгралась «мигрень». Обычно алкоголь заглушал ее, но не в тот раз.

– Успокойся, – посоветовал я и взял кружку. – Предлагаю выпить за мечту. У всех есть мечта?

– Сейчас бы мяса навернуть.

– Заткнись, Дрын. Пожрать – это не мечта, это галимая физиология. А мечта... Она должна быть почти недостижимой.

– За такое я пить не буду. – Баба убрал протянутую руку и, не чокаясь, опрокинул самогон в горло, после чего налил еще. – Хватит уже недостижимого. Заколыхало все. Корячишься, как проклятый, а в результате – хер!

Балисонг в его левой ладони замелькал так быстро, что лезвие и половинки рукояти слились в одну фигуру, похожую на бабочку, а щелканье металла о металл приобрело темп пулеметной очереди. Свет керосиновой лампы отражался от ножа и пульсировал в такт звуку.

Голова разболелась еще сильнее. Скупое освещенный коллектор погрузился во тьму. Единственное, что различали глаза, – это бабочка и ее стальные, объятые огнем крылья, бьющиеся в безумном ритме.

Помню обрывки фраз, смех, далеко, будто сквозь паклю. А потом что-то коснулось моего плеча.

– Блядь!!! Какого?!

– Едрить вас! Да что же это?!

– О-ху-еть...

Из окропленной пульсирующими алыми точками темноты проступило лицо Бабы. Привычное, слегка пренебрежительное выражение сменилось абсолютно обескураженным. Он смотрел на меня округлившимися непонимающими глазами и открывал рот, словно

выброшенная на берег рыба. А потом дернулся и захрипел. Красная слюна пошла пузырями на дрожащих губах, и для Бабы все кончилось. Глаза закатились, лицо сделалось неподвижным. Только алый ручеек продолжал расчерчивать щеку от уголка рта к мочке уха.

– Ты спятил?! – Ломающийся голос Фара сорвался на фальцет.

Влажное тепло растеклось по груди, правой руке и бедру. На языке возник привкус железа.

– Черт! Вот псих! – взвизгнул Липкий. – Я сваливаю!

– О-ху-еть, – повторил Дрын, не замечая, как догорающий косяк обжигает ему пальцы.

Я смотрел вслед шлепающему по лужам Липкому и постепенно возвращался в сознание, ощущал ладонью ребристую рукоять ножа, скользкие теплые комья вокруг руки, поднимающуюся снизу вонь.

– Что ты творишь?! – Фара подошел и нагнулся, собираясь, видимо, оттащить меня от уже испутившего дух Бабы, но в последний момент передумал и сделал шаг назад. – Слезь с него.

Я сел на корточки. Моя пропитанная кровью куртка с влажным чавканьем отклеилась от трупа. Не знаю, сколько ударов я нанес, должно быть, много. Из незамазанного красным у Бабы осталась только правая сторона лица.

Первое, что пришло в голову: «Где его балисонг?»

Бегло осмотрел себя – ниоткуда не торчит, хорошо.

«Бабочка» лежала рядом с телом, так и не приведенная в боевое положение, может, потому, что связки запястья были рассечены, а может, просто не успел вовремя среагировать.

Последний росчерк, который оставил мой нож, шел по мертвому телу Бабы от паха вверх и заканчивался в районе солнечного сплетения, там, где клинок разрубил не окостеневший еще мечевидный отросток и уперся в грудину, распоров по пути мочевого пузыря, кишечник, желудок и печень.

Чтобы вот так, словно плугом, пропахать человека, да к тому же в плотной одежде, нужно очень здорово постараться. Проще, если этот человек тяжел, а подогнувшиеся ноги вешают тушу на нож. Тогда дело сводится к одному – удержать его в руках, пока тело оседает, разваливаясь под собственным весом. Но тут случилось иначе. Этот удар был последним, когда Баба уже упал на спину. Как же я – одиннадцатилетний сопляк – сумел сделать такое?

– За что?! – Фара стоял от меня в паре метров и недоуменно указывал своей шестипалой ладонью в сторону истерзанного тела, на котором я до сих пор сидел.

– Так получилось. Кстати, а что тут произошло?

– Я хуюю, – Дрын, наконец, уронил косяк и теперь старательно сосал обожженный палец.

– Да ты совсем ебнулся!!! – вскипел Фара. Было видно, как горячее желание выписать мне с ноги по зубам разбивается о стену животного страха. – Баба тебя только за плечо тронул! Хотел узнать, все ли в порядке! Ты сидел, будто обдолбанный, пялился в одну точку, потом вскочил и стал его резать!

– Хм, странно.

– Странно – портки через башку надевать! А это – просто пиздец!

– Ничего не помню.

– Надо похоронить его, – выдал Дрын неожиданно осмысленную фразу.

– Да, – прорычал Фара, чуть успокоившись.

– У Бабы есть кто-нибудь? – спросил я на чистом автомате, все еще поглощенный размышлениями о природе случившегося.

– Никого, – покачал головой Дрын, глядя в лицо почившего товарища. – Интересно, дошел бы он до Тризна?

– Вряд ли, – Фара развернулся к выходу. – Ладно, хорош рассусоливать, надо веревку принести с лопатой.

Пока поднимали труп, из распоротого брюха вывалилась половина ливера. Мне, как виновнику торжества, пришлось спускаться и складывать все это добро в отыскавшийся среди разного хлама таз. Никогда не думал, что в человеке так много кишок. Раньше животы вспаривать не доводилось, а на картинках анатомического атласа все выглядело гораздо компактнее и аккуратнее. В обрезках тонкого кишечника через полупрозрачные стенки можно было даже рассмотреть неперевавленную еду: красные ошметки моркови, тыквенные семечки, голову ящерицы...

– Ни хрена себе, – показал я кусок тощей кишки Дрыну.

– А-а, – расплылся тот в улыбке. – Это он на спор сожрал. Отморозок.

– Веселитесь? – огрызнулся Фара и сунул мне в перемазанные кровью и дерьмом руки лопату.

Земля возле коллектора была каменистой, и нормальную могилу вырыть не удалось, хоть и копали втроем посменно. Решили ограничиться полуметром. Уложили тело на бок, согнув ноги, чтобы влезло, распилили вокруг ливер, сверху торжественно водрузили любимые покойным балисонги, закидали накопанной землей и обложили камнями – от собак не спасет, но для порядка...

– Надо сказать что-нибудь, – снова блеснул сообразительностью Дрын.

– Я не умею, – отмазался Фара. – А ты заткнись, – покосился он, заметив с моей стороны готовность произнести эпитафию.

– Ну, – Дрын вздохнул и не спеша раскурил новый косяк, – тогда я скажу. Сколько тебя знаю, Баба, всегда ты был редкостным мудаком. Все копил-копил, в кубышку складывал. Говорю: «Баба, давай дунем», а ты: «Не-е-ет, ствол надо, снарягу надо». Ну, и где твой ствол? Где снаряга? В кубышке лежат. Кстати, не забыть бы ее отыскать. Да. Они в кубышке, а ты здесь. Как-то не клеится. Короче, зря ты так, Баба. Разочаровал меня.

– Все? – поинтересовался Фара, не дождавшись продолжения речи.

– А че еще?

– Ну, тогда сворачиваемся, – он подобрал лопату и пошел в сторону дома, демонстративно не став дожидаться меня.

– Слышь, – Дрын затаился и хихикнул, утрамбовывая ногой землю вокруг могилы, – а ты че, в самом деле ни хрена не помнишь?

– В самом деле, – я попытался вытереть руки о куртку, но лишь еще больше их вымазал.

– Хе, ну дела. Не ширялся сегодня?

– Нет. А что?

– Да я тут слышал, синтетик новый по городу ходит, мозги выносит просто в ноль. Вот и решил... – легкомысленное выражение вдруг исчезло с лица Дрына. – Э-э... Знаешь, брат, ты не подумай дурного, но, бля, держись от меня подальше. Лады? Ну, бывай.

С этими словами он попятился и бочком почесал в сторону молокозавода, через каждые два-три шага оглядываясь, пока не скрылся за насыпью. Едва макушка Дрына пропала из виду, хруст гравия под его ногами стал заметно ритмичнее.

Фара со мной весь день не разговаривал, шлялся по дому, брался то за одно, то за другое, пытаясь себя занять и... не заснуть.

Я тоже решил особо не расслабляться. С Бабой Фара был не так долго знаком, чтобы всерьез закорешиться и жаждать кровавой мести, но, как говорил один умный человек: «Если вы страдаете паранойей, это еще не означает, что за вами не следят». Так что спал я одним глазом, а другим наблюдал, с целью пресечения возможных поползновений.

К семи часам вечера мой негодующий сосед выдохся и, сидя на кровати с книжкой, начал клевать носом.

– Долго собираешься бдить? – поинтересовался я. – Пока Валет не вернется?

– Ты о чем? – сделал Фара удивленное лицо.

– Уже четырнадцать часов не спишь.

– Следишь за мной?

– Это кто еще за кем следит? С каких пор ты меня бояться стал?

– Я тебя?! – Фара ткнул себе пальцем в грудь, криво усмехнувшись, но тут же помрачнел, и ухмылка трансформировалась в гримасу отвращения. – А хотя, знаешь, ты прав. Что уж там. Да, я боюсь. И не сегодня начал.

– Чего боишься?

– Он еще спрашивает! Поглядел бы со стороны. Ведешь себя, как... Даже сравнить не с чем. Если б ты кололся – я бы спокойнее был. Нарики – они понятнее. Но ты ведь крепче анаши ничего не принимаешь. А закидоны все чуднее и чуднее. Год назад в обмороки падал, потом в себя начал уходить, теперь вот от нехуй делать Бабу пришел. Я в жизни не видел такого. Сам, бывает, психануть могу, но ты... Ты же его зубами грыз!

– Чего?

– Чего слышал. Вцепился в горло, как собака, и ножом бил без остановки.

– Пиздишь.

– У Дрына спроси или у Липкого, они подтвердят, – Фара вздохнул и нахмурился. – Что с тобой творится? Мы ведь раньше как братья были. А теперь... чужие.

– Да брось херню молоть. Скажешь тоже, «чужие».

– Нет, – покачал головой Фара, – все изменилось. А ты изменился больше всех. Совсем другой стал.

– И с какого же бока я другой? Ну, сорвался сегодня, моча в голову ударила. Что из этого трагедию-то делать?

– Вот об этом я и толкую. Ты не из чего трагедию не делаешь. Что крысу раздавить, что кореша – один хер.

– Никогда мне Баба корешем не был.

– Даже смотреть на людей стал по-другому.

– Это как же?

– Как на мясо. Будто они неживые. Разговариваешь с человеком и не в глаза глядишь, а... – Фара изобразил руками в воздухе объемную фигуру, напоминающую голову с плечами, – целиком. Все равно что в мясной лавке на свиную тушу.

– Подумаешь, беда какая. Дались тебе эти люди.

– Ты и на меня сейчас так же смотришь.

Да, не слишком приятный разговор. Особенно в месте про горло Бабы и мои зубы. Сразу захотелось прополоскать рот. Где-то я читал, что в сознании детей и подростков стоимость человеческой жизни крайне низка. Якобы они не понимают ее ценности, потому как сами прожили всего ничего, не имеют жизненного багажа за плечами, не успели обрасти всем тем, что делает жизнь богаче, разнообразнее, дает повод для ностальгии. При этом уровень агрессии в мозгах сопливых малолеток просто-таки зашкаливает. Бурлят гормоны. Просыпается инстинктивное стремление стать альфа-самцом, подмять под себя все, что движется. В комплексе вышеперечисленное создает предпосылки для такого жуткого явления, как подростковая жестокость. Глупая, иррациональная, безудержная. Милые детки вдруг сходят с ума, перестают играть с плюшевыми медведями, грубят старшим, потрошат кошек, дерутся. Это была статья в старом околонульном журнале. Ее автор советовал родителям найти с ребенком общий язык, серьезно обсудить волнующие его темы, поделиться опытом из своей молодости, объяснить чаду, что это всего лишь проходной этап в долгой счастливой жизни, что показная жестокость, культивируемая в среде ровесников, – не более чем результат гормонального перестроения организма, а на самом деле окружающий мир

дружелюбен, светел и прекрасен. Идиот. Интересно, что сей ученый муж сказал бы мне? Смог бы описать светлый, прекрасный мир, ждущий с распростертыми объятиями за «проблемным» периодом полового созревания? Вряд ли. Думаю, этот писака моментально пересмотрел бы расценки на жизнь в сторону радикального снижения, перед тем как вскрыть себе вены дорогой ручкой с золотым пером. Или чем там писали в его блаженные времена? Цивилизация кретинов, отупевших от излишеств, сытости и комфорта. Неудивительно, что сорока минут войны и трех следующих лет хватило для сокращения их поголовья до уровня, близкого к полному вымиранию.

Через два дня вернулся Валет, как всегда злой, но с товаром. Фара ни о чем ему не рассказал. Более того, старательно поддерживал видимость «семейного» благополучия, даже пытался шутить и разговаривать со мной на отвлеченные темы. Я всячески ему подыгрывал. Но стоило только Валету оставить нас наедине, все возвращалось к исходной позиции – хмурая рожа, настороженный взгляд, молчание.

До сих пор не понимаю, чего он на меня взелся. Посмотрел, видите ли, не так. Какие мы ранимые. Но за то, что Валету не доложил, я был признателен Фаре. Кто знает, как сложилась бы моя судьба, дойди эта неприятная история до ушей нашего дорогого опекуна. Вполне возможно, что он, в силу своей патологической осторожности, посчитал бы меня неблагонадежным, представляющим опасность для его драгоценной шкуры. А через неделю, когда подгнившая и изъеденная речными тварями веревка порвется, распухший безглазый труп одиннадцатилетнего сопляка поднялся бы из глубин Тешы и, гонимый течением, отправился в последний путь. Но этого не произошло.

На следующее утро Валет снова ушел, а вернувшись через полтора часа, позвал меня для разговора.

– Есть заказ, – начал он без предисловий. – Крупный.

– На кого?

– Об этом позже. Собирайся, тебя хотят видеть.

Сказано – сделано. Через сорок минут мы стояли перед ничем не примечательным баракком на Казанской улице.

– Будь вежлив и не петушись, – предупредил Валет, прежде чем открыть дверь.

За ней оказалась ведущая вниз неосвещенная лестница, заканчивающаяся еще одной дверью, гораздо более массивной, со смотровой щелью в проклепанной броне.

Валет взялся за приваренное кольцо и постучал – два коротких, три длинных, три коротких.

Задвижка отошла в сторону, выпуская из смотровой щели луч направленного нам в рожки света, и вернулась назад. Лязгнули, поворачиваясь, механизмы замка, дверь открылась наружу, демонстрируя впечатляющую толщину и шесть стальных запирающих стержней, каждый диаметром в мою руку.

– Входите, – прогудело из темноты.

Я шагнул внутрь вслед за Валетом и краем глаза различил очертания громадной фигуры, неподвижно стоящей слева.

– Оружие на стол, – луч света указал на единственный привинченный к стене предмет мебелировки. – Не задерживайся, – трубный бас слился со скрипом петель, заставив кишки сжаться, а ноги – прибавить ходу.

В конце темного коридора нас встретила третья дверь. И снова тот же условный стук, глаза в смотровой щели и лязг металла.

– Хромой ждет, – сообщил появившийся в дверном проеме горбун со странным барабанным ружьем через плечо и набитым двенадцатым калибром патронташем на поясе поверх кольчужного жилета, после чего весьма ловко обыскал нас и двинулся дальше по скупому освещенному коридору, жестом пригласив следовать за ним.

Едва мы отошли на пару метров, как дверь захлопнулась, а за спиной слышались шаги.

– Смотреть вперед, – предупредил невидимый конвоир, заметив, что моя голова поворачивается на звук.

На тот момент опыта пребывания в «учреждениях закрытого типа» я не имел. Помню, как холодок побежал от поясницы к загривку. Крайне неприятно без привычки, не имея даже ножа, шагать перед незнакомой вооруженной особью, в чьи обязанности входит физическое устранение конвоируемого в случае малейшего неподчинения.

Берлога у Хромого оказалась солидной. По стенам дважды поворачивающего коридора я насчитал восемь железных дверей, выглядящих не намного тоньше двух нами пройденных. В трех из них также имелись смотровые щели и, плюс ко всему, небольшое прикрытое задвижкой оконце. На сером бетоне пола то тут, то там попадались россыпи темных кругляшков, у дверей с оконцами их было больше.

– Сюда, – не оборачиваясь, махнул рукой горбун и скрылся в проеме.

Мы вошли в небольшую полутемную комнату. С первого взгляда я принял ее за кладовку, настолько много было там разного барахла, сваленного как попало. В центре стоял стол, а в дальнем, свободном от хлама углу – кровать с желтой подушкой в пятнах непонятного происхождения и скомканным лоскутным одеялом.

– Привел? – Из-за громоздящихся на столе коробок показалась голова, лысоватая, с зачесанными назад жидкими, соломенного цвета волосами, наморщенным лбом и небритой опухшей физиономией.

Обитатель «кладовки» поднялся и, неуклюже переваливаясь, вышел к посетителям.

Сомнения в том, что это и есть Хромой, у меня отпали сразу. Его левая нога не дотягивала до правой сантиметров двадцати. К подошве ботинка крепилась деревянная колодка с железными набойками, уравнивающая длину конечностей и издающая отвратительный скрежет, соприкасаясь с бетоном пола. На вид Хромому было... сразу и не скажешь. От тридцати до пятидесяти. Есть такой тип разумных существ, чьи возраст и внешний вид слабо связаны. Мой новый знакомый был его ярким представителем. Да и покрывающие большую часть лица шрамы – то ли от когтей, то ли от множественных ударов чем-то тяжелым – затрудняли определение количества лет, в течение которых мать-земля попиралась разнокалиберными ногами этого выродка.

– Ну-ка, ну-ка, – Хромой подошел ко мне и, смерив взглядом, приподнял кустистую бровь. – А не мелковат?

– Я с твоих слов понял, что в самый раз, – ответил Валет.

– Щуплый он у тебя какой-то. Не подход бы в дороге.

– В какой дороге? – спросил я, но был самым хамским образом проигнорирован.

– Он только с виду щуплый, но здоровья на троих хватит.

– Смотри, Валет, – Хромой ощерился, проводя языком по золотым зубам. – Сроки горят, сам знаешь. Облагается пацан – отвечать тебе.

– За это не переживай. Давай-ка лучше к делу.

Глава 5

Что ни говори, а детство – тяжкое время. Ты мелкий, слабый, глупый, каждый может тебе наподдать, а то и прибить, если под горячую руку сунешься. А главное – окружающие пытаются, так или иначе, тобою манипулировать. И, что самое неприятное, им это удается. Странное дело, со сверстниками такие фортели не прокатывают. На «слабо» я никогда не велся. Но если посыл исходит от старшего, с детскими мозгами случается что-то необъяснимое. Наверное, виной всему долбаное честолюбие. Серьезные дядьки говорят с тобой про серьезные вещи, вводят в свой круг. Это уже не игрушки, тут все по-взрослому. Тебя восприняли всерьез. Как откажешься? Вот и я не смог.

Задачу мне сформулировали просто и понятно – прибыть в Навашино, дожидаться ночи, покинуть свое убежище, найти Баскака – второго человека города – и сделать так, чтобы его имя впредь упоминалось только в прошедшем времени. Отлично. Люблю простые решения.

Преодолеть дорогу от Арзамаса до Навашино мне предстояло в оружейном ящике. Без ведома хозяина груза. Каким путем я попал в кузов – не знаю. Упаковали меня уже в берлоге Хромого, после чего долго несли и, в конце концов, положили. Сколько времени пролежал – трудно сказать. Часы у меня отобрали, дабы не создавать посторонних шумов. С собой дали «АПБ» с двумя магазинами, кислородный баллон, кисет подсушенных листьев неизвестного мне происхождения и две фляги: одну с водой и одну пустую, для справления малой нужды. Большую нужду запретили строго-настрого. Еда также оказалась не предусмотрена. Впрочем, проголодаться я все равно не успел. Как-то не до того было. Повезло еще, что навашинским везли «крупняк», а не только стрелковую мелочовку.

Ящик КПВ сильно напоминает гроб. По длине места хоть отбавляй, но вот с боков тесновато, приходилось складывать руки на груди, это, кроме экономии жизненного пространства, помогало вовремя подставить ладони, чтобы не разбить физиономию о крышку на очередном ухабе, когда мой «катафалк» пришел-таки в движение.

Ехали, по моим ощущениям, не меньше недели, хотя на самом деле маршрут Арзамас – Навашино занимает не больше четырех часов. Но тогда я пребывал в полной уверенности, что, когда вылезу из чертового ящика, под ногами окажется другое полушарие, с пальмами, слонами и полуголыми черными бабами. Если кому-то кажется, что время летит чересчур быстро, могу смело посоветовать – ложитесь в гроб, закрывайте крышку, и все пройдет.

Наконец грузовик сбавил ход и остановился. Но моя радость была омрачена спустя минуты две, машина снова тронулась. Видимо, проверка на КПП.

Раньше я в Навашино не бывал, только на карте видел мельком, и не имел ни малейшего понятия, что представляет собой город, если, конечно, отбросить дворовые страшилки о зверских казнях пленных муромчан, с которыми навашинцы без устали грызлись уже не первый десяток лет. Рассказывали, что возле западной границы города стоит частокол высоких шестов с обращенной к небу буквой «Х» из досок на каждом. К доскам этим привязаны пленники, живые, но с перебитыми руками, ногами и хребтом. Говорили, что их крики разносятся на пять километров, звуча музыкой для навашинцев и холодящим душу воем для муромских мародеров. А над шестами кружат тучи мошкары и воронья в ожидании своей очереди полакомиться свежим мясом.

Только я начал вспоминать подробности процедуры колесования, как грузовик резко затормозил. Послышались голоса, шум хлопающих дверей и открываемых бортов.

– Здорово. Как добрался?

– Приветствую. Без происшествий.

– Все привезли?

– Само собой. Шесть РПГ, сорок восемь выстрелов, тридцать шесть семьдесят четвертых, «пятерки» – четыре цинка, на четыре с половиной тысячи, пятьдесят МОНов, три КПВ и тысяча двести патронов к ним. Как договаривались. Пересчитывать будешь?

– Хе, шутник. Пойдем-ка, разговор есть.

– Эй, там! Руки оторвать, что ли?! Осторожнее! Дебилы.

– Сзади хватай.

По доскам кузова застучали подошвы. Мой ящик спихнули и понесли.

– Тяжелая дура.

– Че ж ты хочешь? Четырнадцать с половиной миллиметров как-никак.

– Сюда кидай.

Ящик с грохотом опустился.

Вокруг еще некоторое время слышался мат, пыхтение и стук дерева о дерево. А я лежал, обхватив почти опустевший кислородный баллон, и думал: «Господи, если ты есть, сделай так, чтобы сверху на меня ничего не поставили. Пожалуйста». Не знаю, услышал он меня или просто повезло, но, дождавшись, когда шум стихнет, я без особого труда отжал прибитую короткими гвоздями крышку и наконец-то принял вертикальное положение.

Беглый осмотр показал, что моим новым местом дислокации является оружейный склад – довольно вместительное помещение с блочными стенами и дощатым полом, заставленное разным добром. Были здесь и выдавшие виды, еще довоенные, обитые крашенным в зеленый цвет деревом цинки «пятерок» по тысяче восемьдесят штук, и «макаровские» – по две «консервы» на тысячу двести восемьдесят патронов каждая, в ящиках из свежих, еще пахнущих сосновой смолой досок, и ленты «семерок» в коробах на сто и двести патронов. Настоящая сокровищница. Рука сама потянулась к ножу, желая вскрыть цинк и набить карманы. Все-таки жадность – доминирующий элемент человеческой сущности. Нередко она задвигает на второй план даже инстинкт самосохранения. Здесь люди не далеко ушли в своем развитии от обезьян, скорее – даже деградировали. Если те не в состоянии разжать полный орехов кулак, чтобы вынуть застрявшую руку из дупла, в силу собственной тупости, то мы ведем себя аналогичным образом совершенно осознанно.

Я уже начал прикидывать соотношение массы к цене, выбирая между «пятерками» и «семерками», когда краем глаза заметил, что тонкая полоска света, пробивающегося между створками ворот, пересекается в метре от земли засовом. И засов этот был навешен изнутри.

Мерзкая дрожь пробежала вдоль позвоночника. Ладонь взмокла на рукояти ножа. Я медленно повернулся, готовясь огрести прикладом в жбан, но... ничего не произошло. Передо мной по-прежнему были лишь ящики с патронами. И тут послышался шорох, совсем слабый, исходящий из дальнего угла. Я, в полуприседе, стараясь двигаться как можно тише, пошел в его сторону и скоро обнаружил источник – «коварный» враг сидел на стуле, запрокинув голову, и мирно почесывал пузо. Забавный дядька, до сих пор его помню – толстый, розовощекий, что было заметно даже в темноте, с окладистой пышной бородою и мясистым, похожим на картофелину носом. Точь-в-точь как мужик с картинки в журнале Валета. Там еще была елка в разноцветных шарах, белобрысая тетка с косой, круглые настенные часы, показывающие ровно двенадцать, и большая аляповатая надпись «2012» сверху. Я осторожно отодвинул стоявшую рядом «ижевскую» вертикалку подальше, взял нож обратным хватом и с силой ударил. Клинок распорол шею от уха до уха. Мужик дернулся, как марионетка, которую потянули одновременно за все веревки, обхватил левой рукой перерезанное горло, пытаясь правой нащупать свой дробовик, и повалился на бок. Кровь растеклась по полу, заполняя щели и трещины.

Должно быть, очень неприятно просыпаться со вскрытой глоткой. Так вот пялишь бабу во сне или на цветущем лугу прохлаждаешься, и вдруг – херак – вместо бабы и луга темнота, по груди течет что-то липкое и горячее, а ниже подбородка чавкает невесть откуда взявшийся

второй рот. Ни хуя не понятно, и просто обосраться, до чего обидно, потому что ничего тут уже не поделаешь, а у тебя были такие большие планы на жизнь.

Я приладил снятую с ящика крышку на прежнее место и рукояткой «АПБ» вдавил гвозди. Незачем оставлять лишние указания на свой малый рост в случае поднятия тревоги.

Окон в складском помещении не обнаружилось, а полоска света в створках ворот могла исходить и от фонаря.

Я вернулся к мертвому охраннику и одернул манжет его куртки. Пусто. Порылся в карманах – складной нож, папиросы, зажигалка, молитвенник... Ага, вот они. Ну не может человек на посту без часов, слишком мучительно ждать сменщика, не зная, сколько осталось. Стрелки потертой «Славы», без ремешка и с покрытым сеткой мелких трещин стеклом, показывали двадцать минут одиннадцатого. Еще немного, и окончательно стемнеет. А пока я решил скоротать время, листая найденную книжицу.

Почти весь текст шел на церковнославянском, но ближе к середине уголки двух страниц были отогнуты, а заголовок вполне по-русски гласил: «Молитва о детях». Мне запомнился небольшой отрывок: «Ангелы Твои да охранят их всегда. Да будут дети наши чутки к горю ближних своих и да исполнят они Твою заповедь любви. И если согрешат они, то сподоби их, Господи, принести покаяние Тебе, и Ты по своей неизреченной милости прости их. Когда же окончится жизнь их земная, то возьми их в Свои Небесные Обители, куда пусть ведут они с собою других рабов Твоих избранных». Мне понравилось. Я так понял – в небесных обителях порядки от здешних не сильно отличаются. Единственное, чего не просек, – как доставить бугру-Господу отборных рабов. Описания сего механизма в книжке так и не отыскал. Зато под стулом у безвременно усопшего раба божьего нашел сумку с завернутой в полотенце кастрюлькой вареной картошки, термосом травяного чая и тремя огурцами. Темнота, одиночество и отсутствие сосновых досок перед лицом действовали успокаивающе. Нервы улеглись, пропуская на передний план голод.

Вообще-то Валет не одобрил бы такого поведения. Он всегда говорил, что лучше сдохнуть от истощения, чем от перитонита, набив брюхо накануне боя. Но, так как заколотили меня часа в три ночи уже на голодный желудок, я недолго колебался и, послав Валета с его премудростями в жопу, приступил к трапезе.

Полночь я встретил сытым, но сонным. Как гласит народная пословица: «То понос, то золотуха» – не иначе. Вынул из-за пазухи кисет. Бросив мне его в ящик, Хромой наказал жевать листья в случае слабости, и не больше пяти штук за час. Что он имел в виду, уточнить не удалось, крышку закрыли. Самое время проверить. Я достал коричневый, свернувшийся в трубочку листок и положил в рот. На вкус лекарство от слабости оказалось довольно мерзким, с горечью. Первую дозу я пережевывал, давясь, но вторая пошла заметно легче, а третья вообще на ура. Сон как рукой сняло. Ломота в затекших мышцах исчезла. На смену усталости пришла удивительная бодрость. По телу будто электрический ток пустили, в крайних фалангах пальцев ощущалось слабое покалывание. И без того не вызывающие нареканий чувства обострились, особенно слух. Я начал различать звук мышины возни в противоположном конце здания, писк, скрежет крошечных зубов, точащих дерево, стук капель, падающих с протекающей крыши, тиканье «Славы», лежащей у меня во внутреннем кармане. Это было удивительно. Никакая анаша не сравнится. Состояние, близкое к эйфории, при абсолютной кристальной ясности рассудка.

Я бросил в рот четвертый листок, отметив себе в списке дел вторым пунктом после убийства Баскака расспросить Хромого о происхождении сего чудесного растения, убрал кисет и подошел к воротам.

Снаружи кто-то топтался. Медленно ходил туда-сюда, периодически вздыхая и останавливаясь. Из щели в воротах тянуло табачным дымом. Значит, охрана поставлена не только внутри. Это неприятно, но поправимо. Наблюдение через щель за пространством напротив

склада новых действующих лиц назревающей трагедии не выявило, и я решил поднять занавес.

Толщина досок на воротах была около полутора сантиметров – для стального сердечника «57Н181С», что поселились в магазине моего «АПБ», не проблема, такой преграды они даже не заметят. Главное – чтобы не застряли у кого-нибудь в заднице, пробив стену соседнего барака.

Я ухватил громадный пистолет обеими руками и, выждав, когда скучающий часовой поравняется с осью ствола, нажал спуск. «АПБ», сухо протрещав, выплюнул пять гильз, и еще пять, на звук упавшего тела. Лучше пошуметь глушеной волюной в здании, чем допустить автоматные трели на улице.

Засов снялся легко. Я распахнул створку ворот и несколькими рывками втащил хрипящего горе-часового внутрь. Мужiku на вид было лет сорок. Лысоватый, с проседью. Видимо, стоял спиной ко мне, серая ветровка на груди будто взорвалась, торчащие наружу лоскуты быстро пропитывались красным. Вторая очередь пришлась в область поясницы. Не кричал он только потому, что легкие были разорваны. Глаза уже закатились, но рука все еще пыталась достать тянувшийся на ремне «АКС-74У». Клинок, нырнув между четвертым и пятым ребром, пресек это безобразие.

Я вышел и прикрыл ворота. Хоть маскировка и никудышная – пулевые отверстия, кровь и клочья одежды на земле, да уже само отсутствие часового, – небольшую отсрочку она давала. При известном везении.

Искомый объект – штаб – по разъяснениям моего нового работодателя, обосновался в здании бывшего железнодорожного вокзала, который, в свою очередь, находился внутри опоясывающего прилегающую территорию охраняемого периметра. В том же периметре расположился и недавно покинутый мною склад. Наверное, внешняя охрана была не в пример бдительнее тыловых коллег, раз Валет с Хромым избрали для меня столь нетрадиционный способ проникновения. Но в этом мне еще предстояло убедиться, а пока я, словно крыса, ныряя из тени в тень, шел к цели.

План местности, обрисованный Валетом, носил весьма и весьма приблизительный характер: «Прямо до забора, сто метров налево, у первой хрущевки направо, пройдешь три двора, свернешь к универсаму, а там уже видно будет». Заебись. Во-первых, забора я прямо по курсу не обнаружил и, решив, что ему давно уже нашли лучшее применение, повернул у барачков. Прошел, как велено было, сто метров налево, но вместо ожидаемых пятиэтажек оказался рядом с выросшей на пепелище помойкой. Судя по обгоревшим остаткам фундамента и трухе от попиленных на дрова бревен, никакого отношения этот дом к хрущевкам не имел. Те стояли правее и дальше, четыре и пять штук соответственно. Бля! И какие из трех дворов я должен пройти?! В течение следующей минуты мой мозг скороговоркой воспроизводил все изученные за одиннадцать лет проклятия, так и этак комбинируя их со словом «Валет», а глаза пытались отыскать хоть какие-то ориентиры, указывающие на близость железной дороги. Не найдя таковых, решил свернуть направо – там было меньше светящихся окон.

Едва первый двор остался позади, из дома послышались голоса и стук подошв по лестнице. Спускались три человека. Я нырнул за кусты и прижался к стене.

– Надо бы ствол новый попросить у начальства, – сказал один, – а то вон, глянь, ложа треснула. Скоро в руках развалится.

– Пустое, – ответил второй.

– Говорят, вчера три ящика автоматов привезли.

– Привезти-то привезли, только тебе хрен чего перепадет. Опять все личной гвардии достанется. А ты как бегал в атаку со своим «ТОЗом», так и будешь бегать.

– Кабы так же, если не шустрее, – усмехнулся третий. – Восемьдесят автоматчиков с тылу прыти-то здорово добавляют.

– Не балаболь, умник, – прошипел второй.

– А че я такого сказал? Будто сами не знаете. У них теперь не то что автоматы, и пулеметы есть, все как положено. Это пока еще муромские суки раны не зализали, а как залижут, тут-то и будет нам всем «Ни шагу назад». Помяните мое слово.

– Ты свое слово засунь-ка куда поглубже. В субботу двоих уже вздернули за такие разговоры.

Троица вышла из подъезда и направилась в мою сторону, освещая пяточок впереди себя керосиновым фонарем.

– Ну да? – удивился первый. – А я слышал, они к бунту подстрекали.

– Тебя, что ли?

– Почему меня? Так, окружающих.

Второй молча покачал головой и сплюнул.

– Бля, спать охота, – зевнул третий. – Еще башка со вчерашнего трещит.

– Не ной. Обход закончим, и будешь дрыхнуть хоть до обеда.

Обход?! Это плохо. Впрочем, мне тогда крупно подфартило. Мы ведь могли и разминуться. В таком случае об обходе постов я узнал бы не из этого разговора, а по вою сирены и высыпающим на улицу патрулям.

Троица прошла через двор, в сторону помойки, а я пристроился следом.

Валить обходчиков прямо на дороге было бы неразумно. Комплекцию двое из них имели весьма внушительную, и мне совсем не хотелось корячиться на открытом пространстве, чтобы оттащить трупы в место поукромнее. Пришлось устроить небольшой спектакль. Когда троица проходила рядом с помойкой, я подскочил к ним со спины и пустил в ход всю свою силу убеждения.

– Стоять! Руки вверх!

Эффект неожиданности сработал как надо. Один из обходчиков выронил папиросу, та упала, осыпав асфальт мелкими красными искрами. Все трое остановились и подняли руки.

– Кто такие? Что здесь делаете? – продолжил я, стараясь придать голосу басовитости, но, наверное, это вышло не слишком убедительно.

– Ты че, пацан, сдурел? – бородатый мужик, видимо старший, медленно обернулся, продолжая держать руки поднятыми. – Мы из шестого отряда, посты обходим.

– Разберемся. Вперед.

– Не балуй, – голос бородача дрогнул, возможно, наличие глушителя на смотрящем ему в спину стволе заставило нервничать.

– Вперед, – повторил я, косясь по сторонам. – Иначе буду стрелять.

Троица сошла с дороги и, перевалив под моим чутким руководством через кучи мусора, углубилась в бурьян.

– Эй, малец, – бородач занервничал сильнее, – ты что удумал?

– Зачем мы туда идем? – истерично протараторил парень лет восемнадцати, тот, который две минуты назад храбро критиковал командиров. – А? Зачем?

– Стоп. На колени.

Двое послушно опустились, но бородатый продолжал стоять, покачивая головой.

– Сынок, ты хоть понимаешь...

Не окончив вопрос, он резко метнулся в сторону, правая ладонь обхватила рукоять висящего на плече «Кедра». Но ничего больше ему сделать не удалось. Короткая очередь из «АПБ» легла поперек спины. Указательный палец застыл на рычаге предохранителя, а мертвое тело рухнуло в заросли борщевика.

Смелый мужик. Схватись они все за оружие – и мне крышка. Но так не бывает. Никогда. Слишком мало смелых. Слишком многие еще верят, что все можно уладить словами. Надеются на них до последнего. О-о, сколько разных увещеваний я слышал за прошедшие годы,

сколько мольбы. Но лишь единицы использовали последние секунды своего существования на попытку дать реальный отпор. Что это? Остатки цивилизованности, рудименты, доставшиеся от прошлых поколений? Или банальная трусость? Но если трусость, то перед чем? Тебя поставили на колени и подвели ствол к затылку. На что тут можно надеяться? Чего бояться? У тебя карт-бланш. Бей голыми руками, рви зубами, делай все, что поможет спастись. Но вместо этого они только болтают, болтают и болтают.

– Господи, – прошептал владелец «ТОЗа» с треснувшей ложей, косясь на подергивающегося в конвульсиях бородача. – Пожалуйста... У меня жена и двое...

У меня тоже двое, а нужен был только один.

Пуля пробила затылок и вышла с противоположной стороны в облачке кровавых брызг. Труп кивнул и, завалившись вперед, уткнулся остатками лица в землю.

Третий обходчик при этом вел себя на удивление тихо, только дрожал и всхлипывал, втянув голову в плечи.

– Говорить можешь? – спросил я.

– М-могу. Расскажу! Все расскажу! – оживился страдалец.

– Тише, и не дергайся. Смотри вперед. Где штаб, знаешь?

– Конечно. В здании вокзала.

– Как пройти?

– Э-э... – он попытался указать рукой направление, но, вспомнив инструкции, передумал. – Нужно назад, за высотки. Там недалеко большое здание будет двухэтажное с лестницей. Этот... Как его?

– Универмаг?

– Точно! Он самый. А от него, от фасада, прямо все время, и к вокзалу выйдешь.

– Где там искать Баскака?

– Знаю! Знаю где. Правое крыло, второй этаж, конец коридора.

– Как выглядит?

– Кто?

– Баскак.

– Ну, здоровый такой, лысый, совсем лысый, на татарина похож, хотя вроде хохол. А! Вот! Нос у него еще сломан. Направо... Или налево? Э-э... Нет, направо вернее.

– Как попасть?

– Как попасть? Как попасть? Э-э-э... – Напряженный мыслительный процесс даже побудил дрожащие пальцы зашевелиться, будто те чесали затылок. – На вокзал два входа, со стороны...

– Как попасть к Баскаку, тупиздень?

– Так ведь... по записи к нему. Баскак у нас всеми хозяйственными делами ведает. Записываться на кордоне, туда же и пропуска приносят, если документы в порядке. С этим строго.

– В каких районах вашего города есть частный сектор?

– Да везде он только и есть, кроме Центрального.

– Назови район и его улицу.

– Ну, Заводской. А улица... Заводская. Ты меня не убьешь?

– Конечно нет.

Показания покойного обходчика в целом сходились с моей вводной. Это обнадеживало. И насчет направления он не соврал. Через пятнадцать минут я уже шел от универмага к хорошо освещенному трехэтажному зданию вокзала. Шел, не скрываясь, временами даже переходил на бег. И плакал. Да, я почти рыдал, размазывая слезы по чумазой мордашке.

Странное дело – уже не помню, когда я ревел по-настоящему, разве что после смерти Крикуна влага чуть на глаза навернулась, но, если того требовала работа, слезы текли рекой,

нужно было только ущипнуть себя побольнее или прижечь, а потом закрепить эффект грустными воспоминаниями. Смерть Хашима обычно давала искомый результат с первого раза.

К моменту, когда меня тормознули на входе, я едва мог говорить, слезы стояли в горле.

– Куда, шкет? Чего реवेशь? – один из охранников преградил мне путь.

– Пу-устите! Я к... к Ба-аскаку!

– Хорош завывать. Ты что здесь вообще делаешь в час ночи?

– Н-нас из дома вы-ыгоняют! Дядя Коля деда изби-ил! Сжечь грози-ится!

– Ни хера не понимаю. Ты откуда?

– С За-аводской! Быстрее! Пустите!!! – я утер рукавом сопли и предпринял отчаянную попытку прорыва.

– Да уймись! – охранник схватил меня за шиворот и оттащил от двери. – Объясни толком, что произошло.

– Дед с дя-адей Колей поругались! У нас там малина ра-астет! А дядя Ко-оля говорит, чтоб у-убрали! У него ру-ужье! Деду голову ра-азбил!

– Что за хрень?! Какая малина?!

– Помоги-ите! Пожалуйста!!! – я схватил охранника за руку и, умильно шмыгая носом, потянул за собой.

– Да чтоб тебя! – растроганный страж порядка повернулся к напарнику: – Он не отста-нет. Придется будить.

Напарник, закатив глаза, вздохнул и скрылся в здании. Через минуту он вернулся.

– Веди, сердобольный. Опять пиздюлей из-за тебя огреб.

Глава 6

Импровизация – искусство ничуть не менее важное в нашем деле, чем, скажем, стрельба или торг. Она способна помочь в, казалось бы, абсолютно безвыходных ситуациях, когда холодный расчет и планирование оказываются бессильными. Но, как и любое дело, импровизация требует сноровки. Я бы даже сказал – инстинкта, наработанных опытом рефлексов. Тогда и мозги функционируют иначе – рожают идею, тут же ее пережевывают и на выходе дают конечный результат, ясный, понятный, ожидаемый. Тоже своего рода план, но по ситуации. Если же опыта нет, импровизация чаще всего сводится к тезису «Ввяжемся в драку, а там посмотрим». Это чревато. Весьма.

Баскак ждал в своем кабинете, который, судя по всему, являлся одновременно и квартирой. Выщербленный паркет, стол буквой «Т», дюжина стульев вокруг, пять шкафов, забытых пухлыми картонными папками на завязках, буфет с дежурным графином и шестью стаканами в стальных подстаканниках, два керосиновых светильника: один – на столе, второй – под потолком, выкрашенный облупившейся уже коричневой краской допотопный сейф между двумя наполовину задернутыми окнами, которые здесь, в отличие от первого этажа, не были заложены кирпичом. А в уголке справа, отгороженная фанерными стенками, скромно приютилась жилая площадь. Из-за приоткрытой занавески выглядывала расстеленная кровать и коврик.

Сам хозяин тоже имел вид, далекий от официоза – наскоро натянутые штаны с висящими по бокам подтяжками и незаправленным концом ремня, расшнурованные стоптанные берцы и накинутый поверх майки мундир темно-болотного цвета. Ростом Баскак был под метр девяносто, при этом весьма плотного телосложения, и, несмотря на явно разменянный полтинник, имел отличную выправку. Настоящий пахан. Хмурая бульдожья морда средней степени помятости и лысый череп, блестящий, как котовы яйца, отлично дополняли экстерьер.

Баскак лениво махнул рукой в сторону двери, и мой конвоир удалился.

– Погоди, – видя на моем лице безудержное желание поделиться горем, он поднял правую ладонь с кулечками на месте указательного и среднего пальцев, прошел к буфету, достал графин со стаканом, налил и, осушив залпом, поставил на стол. – Начинай.

Как скажешь, командир. Я, соорудив максимально жалобную физиономию, всхлипнул и робко потянулся к стакану.

– Воды? – Баскак приподнял бровь, отчего сделался похож на пирата из книжки.

– Д-да.

Гостеприимный хозяин снова наполнил стакан.

Я подошел ближе, продолжая шмыгать носом, и когда друг всех навашинских детей повернулся спиной, чтобы убрать графин на место, всадил нож под левую лопатку.

Баскак охнул, завел руку назад, пытаясь нащупать причину дискомфорта, пошатнулся и осел. Пальцы вцепились в полку, грозя опрокинуть буфет. Я едва успел отрубить их, чем заработал еще несколько секунд на раздумья перед следующим шагом.

Взгляд снова пробежал по комнате, выискивая пути к отступлению. Наиболее очевидный вариант – окно – отпал, стоило только приглядеться. За не слишком чистым стеклом совсем некстати обнаружилась решетка из перекрещивающихся стальных прутьев. Пролезть нереально, выдрать, судя по капитальным креплениям, тоже. Зародыш паники холодным ужом скользнул под рубаху. А что делать, когда одолевает паника? Успокоиться? Хе. Это не так просто, особенно если времени в обрез. Но можно поступить иначе – дать панике волю и распространить ее вокруг.

Идея родилась почти моментально. Глаз сразу вырвал из скромной обстановки кабинета требующийся для представления инвентарь – простыня, лампы, забитые бумагой шкафы. Через минуту по окропленному керосином кабинету уже плясали языки пламени.

Я швырнул в окно подвернувшийся под руку стакан и почти одновременно со звоном разбитого стекла вылетел в коридор, вопя что есть мочи, пронесся мимо первого охранника, удивленно пялящегося на бушующий в дверном проеме огонь, выскочил из здания и успел скрыться в темноте до того, как услышал за спиной: «Держи щенка!!!»

Темнота – мой лучший друг. Надеюсь, нож не обидится. Даже подумать страшно, как тяжела была бы жизнь, не накройся вся энергетика медным тазом. Посмотришь на фотографии ночных городов в старых журналах, и просто оторопь берет – кругом иллюминация! Безумно яркие фонари на каждом шагу! Окна, витрины, фары! Кошмар! Должно быть, люди в то время вообще не мыслили себя вне этой электрической вакханалии. То ли дело сейчас – на улице ни лучины, разве что мусор в железных бочках тлеет, из редкого окна льется мягкий, трепещущий, естественный свет, да и не льется даже, а робко брезжит, едва освещая комнатуху, не говоря уже о внешнем мире, погруженном в непроглядный для примитивного человеческого глаза мрак.

А ночь тогда выдалась подходящая. Небо заволокло облаками, даже луны не видно, сплошная серая мгла. В такие ночи я чувствовал себя единственным зрячим на планете слепцов, что было недалеко от истины.

Добежав до знакомого уже двора, я отдышался и в полуприседе, стараясь не привлекать лишнего внимания обывателей, двинулся направо – туда, где за деревьями едва заметно светились окна первых этажей. Частный сектор с его узкими проулками и подсобным хозяйством, полным художественного беспорядка, всегда лучше типовой застройки. Кроме того, это был восточный район, обращенный к нейтральному Арзамасу, что вселяло надежду на не столь суровые меры безопасности, как, возможно, с западной стороны. Осталось самое сложное – добраться туда.

На вокзальной площади завывала сирена, оповещающая всех о произошедшем ЧП.

Впереди и справа, метрах в ста, вспыхнули два прожектора. Разрезавший темноту луч пополз по кустам с противоположной стороны дороги.

– Внимание всем постам! – Вой сирены сменился хорошо поставленным командирским басом и скрежетом статики. – Внутрь периметра проник нарушитель! Это ребенок! Десять – двенадцать лет! Скорее всего, вооружен! Немедленно задержать его! В случае сопротивления – уничтожить! И быстро пожарную машину к штабу!!!

После слова «внутрь» луч резко ушел вправо, но полностью не развернулся. Пересекавший линию заграждений свет блеснул на металлических шипах, прошелся вперед-назад, давая часовому возможность проверить целостность двух рядов забора из колючей проволоки, после чего обратился в противоположную сторону. Луч прожектора, расположенного на соседней вышке, повторил тот же маневр. Вместе они перекрывали всю длину пролета, попеременно освещая каждый свою половину. Чтобы перекусить «колючку» и уйти, у меня было примерно пятнадцать секунд темноты, прежде чем луч вернется, а автоматная очередь пригвоздит детское тельце к земле. Мало, но ждать или искать иные способы – себе дороже. На соседних улицах уже мелькали огни фонарей и раздавались крики.

Я отцепил с ремня ножны своего «НР-2», подобрался ближе к забору, улегся на брюхо и пополз.

Помню, в голове промелькнула мысль о минах, но я быстро ее отогнал, убедив себя, что изнутри никто минировать не станет. Тем более МОНам есть более дельное применение на противоположном краю города. А если ошибся... что ж, все мы там будем.

Признаюсь – когда лежал мордой в землю и краем глаза видел проползающее в метре от головы световое пятно, здорово перетрухал. Наверное, чудо-листья Хромого сыграли злую

шутку. Еле удержался, чтобы не вскочить и броситься в спасительную темноту. Ночь была прохладная, но спина взмокла так, что куртка прилипла к пояснице. Челюсть, едва справляясь с нервным ознобом, норовила пуститься в пляс. Я стиснул зубы и пополз вперед. Рот наполнился вкусом выступившей из десен крови.

Секунда, две, три. Я у проволоки. Хватаю ее ножами-кусачками и жму. Негромкий щелчок. Перекушенные концы падают на землю. Слава богу – не под током. Ползу дальше. Семь, восемь. Второй ряд. Хватаю, жму. Щелчок. Концы проволоки расходятся, но вместо того, чтобы обвиснуть, загибаются вверх. Твою мать!!! Справа и слева раздаются гроыхание пустых консервных банок. Оба прожектора, не дожидаясь своей очереди, поворачиваются в мою сторону.

– Там!

Крик часового и световое пятно застают меня уже на обочине дороги. Я вскакиваю и бегу. Бегу так, как никогда не бегал. Вижу маячащую впереди тень и фонтанчики раскрошенного асфальта. Сзади грохочет «АКМ», но я его почти не слышу. Ныряю в прогон. Угол забора взрывается снопом щепок. Ветки и листья, скошенные свинцом, падают под ноги. Но я все еще жив. Мне навстречу, звеня ключами, бежит человек. Сую ножны в карман и достаю пистолет. Человек отпирает калитку, ныряет внутрь, но не успевает запереть. Выпущенная из «АПБ» длинная очередь находит его. Плечом вламываюсь в пробитые доски. Калитка упирается в труп. Протискиваюсь через щель. Бегу. Ноги проваливаются в рыхлую землю. Грядок, подошвы давят овощи. Перемахиваю невысокий штакетник. Бегу. Слышу за спиной: «Эй! Куда?» Останавливаюсь и стреляю на звук. Кто-то вскрикивает. Бегу дальше. Снова забор. Проулок. Забор. Еще. Еще. Еще...

Что происходило между этим сумасшедшим марш-броском и моментом, когда я очнулся, в памяти не отложилось. Помню только – брел, не видя дороги, жрал листья, а после...

Свет. Яркий, солнечный. И синее небо. Аж глаза режет. Вокруг трава. Поворачиваю голову, а прямо перед лицом собачья морда, смотрит на меня и скалится. Как тогда успел нож выхватить, ума не приложу. Псина дернулась вперед, но получила клинок в шею и вместо горла разорвала мне только кожу на подбородке. Я сбил зверюгу с ног, навалился всем телом и, продавив нож к хребту, загнал его меж позвонков.

«Отличное» начало дня. При таких раскладах хорошего продолжения не жди. Если уже с утра жизнь макает рылом в говно, самое верное решение – ничего не делать, запереться дома и тихонько переждать. Я не суеверный, но опыт показывает, что дерьмовое начало имеет гораздо больше шансов перейти в тенденцию, нежели удачное. Только вот дом далековато, а тенденция уже налицо.

Кобель, которого я зарезал, был, судя по всему, вожаком. Здоровенный, килограммов сорок, с уймой шрамов на шкуре, в том числе и от огнестрела. Решил первым продегустировать свежачок, на правах сильнейшего. Трое его подручных помельче крутились рядом, пребывая в нерешительности. Но долго ли эта нерешительность продлится?

Интересные твари. Говорят, до войны собаки жили рядом с человеком, прямо в домах. Дрессированные были, аж пиздец. Границу охраняли, взрывчатку с наркотой помогали искать. Даже поговорка такая существовала: «Собака – друг человека». Черт. В башке не укладывается. А потом все покатило в тартарары. Сорока минут обмена ядерными любезностями хватило, чтобы история партнерства между человеком и собакой, насчитывающая якобы не одну тысячу лет, пошла прахом. А то! Зов желудка – он посильнее дружбы. Оголовавшие прямоходящие пустили четвероногих друзей под нож. Но кроме одомашненных были еще и бездомные. Охренеть. «Бездомные собаки» – звучит примерно как «водоплавающие рыбы». Так вот, эти отбросы высокоразвитого собачьего общества после войны окончательно разложились в моральном плане, одичали и ушли в леса, откуда периодически

стали совершать набеги на человеческие поселения с целью поживиться легкодоступными и пока еще достаточно многочисленными двуногими. С тех пор нет лада между этими некогда мирно сосуществовавшими видами.

Оставшись без попечительства человека, собаки быстро вспомнили, чьего они рода-племени. Принцип охоты у них не отличается от волчьего – окружают добычу, гонят ее, изматывая, а потом убивают. Правда, там, где волки справляются впятером, собак требуется десяток.

Странное дело, при всей схожести волки и собаки люто ненавидят друг друга. Может быть, первые винят вторых за давнее предательство? А те, в свою очередь, чувствуют вину, но не хотят признать, отчего и бесятся? Один на один собака никогда не кинется на волка, даже если превосходит его габаритами. Жизнь рядом с человеком испортила собачий генофонд. Их мышцы ослабли, клыки притупились. Должно пройти не одно столетие, прежде чем природа реабилитирует предателей. А пока они стараются брать числом. Но это не всегда удается. Немногочисленные раньше волки год за годом возвращают себе леса и степи, жестко конкурируя со своими нерадивыми соплеменниками в борьбе за охотничьи угодья. Однако самое удивительное в том, что и те и другие панически боятся волколаков – громадных тварей, килограмм под девяносто, пришедших в наши широты, как я слышал, откуда-то с северо-востока. Те охотятся в одиночку. Многие из них слепы, полагаются только на слух и невероятно развитое чутье. Бесшумные, укрытые густой, почти не отражающей света шерстью, они выслеживают свои жертвы ночами. Подкрадываются, словно тень, и так же исчезают во мраке, унося с собой добычу, умерщвленную одним точным и неотвратимым, как судьба, укусом, перерезающим яремную вену. Могучие звери. Но с десятком собак или волков они не справятся. Тем не менее одно только присутствие волколака поблизости способно вынудить стаю навсегда уйти с обжитой территории.

В одной книжке про моряков я читал, что лучший способ выгнать крыс с корабля – это поймать десяток-другой серых бестий, посадить их в ведро, закрыть крышкой с отверстиями для поступления воздуха и оставить на неделю. По прошествии этого срока выживет только одна – самая сильная, злобная и прожорливая – крысак, или крысиный волк, как его еще называют. Остальные будут съедены. Пожравшая сородичей тварь не примет больше никакой другой пищи. Выпущенная в трюм, она будет истреблять своих всеядных братьев и сестер, расти и сеять ужас. Причем друг друга крысаки не тронут, даже близко постараются не ходить. Три-четыре таких чудовища, в конце концов, выживают с корабля всю колонию. Не знаю, промышляют ли волколаки каннибализмом, но что-то общее между ними и крысой из ведра определенно есть.

Обычно собаки поодиночке не ходят. Они, как и люди, – стайные животные. Единственное исключение – дряхлая, больная или раненая особь, которая стала бесполезной для группы. Но такие долго не живут, поэтому встречаются редко. Средняя стая насчитывает десять-пятнадцать животных, включая молодняк. Бывает и меньше, но это в основном недобитки, они либо подыхают, неспособные добыть пищу, либо, если повезет, присоединяются к более успешной стае.

Трое, что поджимали в смятии хвосты, глядя на своего мертвого вожака, оказались как раз из таких. Стая, видимо, не так давно попала под раздачу. Уцелевшие еще не успели заметно отощать и ослабнуть. Правда, среди них был подранок. Один из псов прихрамывал на заднюю ногу. Серая шерсть на бедре слиплась в бурую колючую паклю. Но по скорости он все равно дал бы мне фору. Тем более что...

Резкая боль кольнула в левый бок. Я сунул ладонь под куртку и почувствовал, как пальцы липнут в теплой вязкой субстанции. Плохая новость. Оказаться одному посреди пустоши, с простреленным брюхом, да еще и в столь милой компании – это совсем не тот вариант, на который рассчитываешь.

В целом картина сложилась удручающая, или, как говорят не столь начитанные граждане, – «полный пиздец». Во-первых, я не имел ни малейшего понятия о том, где нахожусь. Нет, примерный вектор движения я себе, конечно, представлял благодаря солнцу, но вот расстояние... Сколько времени я шел, покинув Навашино? Как далеко забрел и в каком направлении? Эти вопросы оставались без ответа. Во-вторых, не предусмотренная конструкцией дырка в моем брэнном теле хоть и обошла ливер стороной, здорово кровоточила, что сказывалось на самочувствии отнюдь не лучшим образом. И, наконец, в-третьих, оставленные на месте моего недавнего триумфа собаки, схарчив дохлого жожака, вряд ли откажутся от идеи поживиться свежей человечинкой.

Обмотав рану откромсанным рукавом куртки, я кое-как протопал сотен пять-шесть метров прочь от развернувшегося пиршества, нашел сухую канаву и занялся самолечением.

Никогда не думал, что буду рад схлопотать автоматную 7,62 в бочину. Разумеется, я был бы счастлив, пролети она мимо, но, с другой стороны, на ее месте могла оказаться, например, «пятерка» – настоящий кошмар полевых хирургов. Из-за пустоты в головной части эта пулька имеет неустойчивую траекторию и, попадая в цель, начинает кувыркаться уже через пять-семь сантиметров пути, оставляя за собой фарш. Чаще всего выходит донной частью вперед, у нее там центр тяжести. А «семерка» гораздо гуманнее. К тому же нашла она меня явно недалеко от стрелка, еще не успела потерять скорость и благодаря этому прошла словно игла через тряпку. Выходное отверстие получилось совсем небольшим.

Тем не менее оставлять рану как есть было бы чревато. Из-под небольшого струпа, выросшего за время моей отключки, все еще обильно сочилась кровь. Левая штанина до колена покрылась бурой коростой, растрескавшейся на сгибах и осыпающейся при ходьбе. Тяжелая, как с похмелья, голова то и дело норовила упасть и повиснуть бесполезным грузом. Глаза смыкались. Если не остановить кровь, то рано или поздно они закроются, и, скорее всего, окончательно.

В рукояти «НР-2» – моего второго ножа, выполняющего хозяйственные функции – всегда хранится НАЗ. Обычно это моток тонкой стальной проволоки, точильный камень, леска с грузилом и крючками, спички, булавка, нитка, игла. А также мешочек со смесью негашеной извести и медного купороса – средство жесткое, однако весьма эффективное, к тому же помогает избавиться от сомнений в том, что человек на восемьдесят процентов состоит из воды. Если действовать по рецепту, то хорошо бы добавить еще яичный белок, но за неимением одного и так сойдется. Можно, конечно, воспользоваться порошком, вот только поджигать его у себя на спине – занятие для настоящих энтузиастов, к коим не отношусь. Посему я сунул в зубы ремень, отрезал лоскут от куртки, высыпал на него порошок и приложил к выходной дыре.

Сказать, что это больно, язык не поворачивается. Больно прищемить палец дверью или на гвоздь наступить, а это – просто пиздецнахуйбля что такое. Тем сложнее было повторить процедуру для входного отверстия.

Немного отдышавшись и утолив разыгравшуюся жажду, я вернул повязку на прежнее место, вставил в штаны ремень, украшенный четким следом прикуса, и поплелся дальше, в пустошь. Как сказал бы писака-романист – «навстречу приключениям».

Приключения ждать себя не заставили. Видимо, я несколько переоценил питательность туши жожака, потому как надеялся хотя бы эту ночь провести в одиночестве, но вместе с сумерками пришли и «друзья человека».

Их острые, вымазанные кровью морды, поднимающиеся над травой и пробующие воздух, появились, как только солнце коснулось горизонта. Пока собаки держались на почти-тельном расстоянии, но это ненадолго. Уж я-то знаю – они дожидаются наступления темноты. А потом... Желтые огоньки, скользящие в черной пустоте. Мелькнут и погаснут. Снова загорятся, отразив вспышки беспорядочных выстрелов. Ближе, ближе. Шелест травы за спи-

ной. Где ты, сука?! Длинная очередь из истерично пляшущего ствола. Щелчок затвора. Горячее дыхание в шею. Конец. Но они не учли одного факта – мне ночь не менее мила. Главное – оставаться в сознании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 59,90р. (на 05.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.